

ВОСПОМИНАНИЯ О ВРЕМЕНИ МОЕЙ РАБОТЫ В НОВГОРОДСКОМ МУЗЕЕ

Вся большая и трудная жизнь С. М. Смирнова — историка, краеведа, педагога непосредственно связана с Новгородской землей. Он родился в 1892 г. в с. Клевицы Демянского уезда в семье священника-учителя. Детство Сергея Михайловича прошло в с. Шижня Тихвинского уезда, и первые шаги на пути к знанию были сделаны в Тихвинском духовном училище (1903—1907) и Новгородской духовной семинарии (1907—1913). Именно годы обучения в семинарии определили круг интересов и дальнейшее направление деятельности С. М. Смирнова: он поступил в Петербургскую духовную академию и учился на отделении русской церковной истории у знаменитого проф. Покровского. За выпускную кандидатскую работу «Новгородская епархия при митрополите Амвросии Подобедове» в 1917 г. он был оставлен профессорским стипендиатом для продолжения научных трудов, но начавшаяся революция изменила его последующий путь.

В 1918 г. Смирнов был направлен в распоряжение новгородского ГУБОУО и вскоре назначен директором Новгородского исторического музея. Годы директорства — самый трудный, интересный и плодотворный период в жизни Сергея Михайловича. Он создает новую экспозицию, пополняет фонды наиболее ценными и интересными предметами из дворянских усадеб и закрывающихся церквей Новгородской губернии. Сергей Михайлович был одним из организаторов музея дворянского быта в усадьбе Васильчиковых «Выбити», занимался разборкой и систематизацией книжных сокровищ, поступивших в музей из ликвидированных «дворянских гнезд», сетуя на нехватку времени и помощников в этой кропотливой работе.

С 1919 г. С. М. Смирнов активно участвует в деятельности Новгородского общества любителей древностей (НОЛД), а с 1928 г. является его председателем. В этот период общество работает в тесном взаимодействии с историческим музеем. Об этом яркое представление дают архивные документы: протоколы и годовые отчеты НОЛД. Среди первых сообщений Сергея Михайловича было выступление 29 июля 1921 г. с докладом «Дневник валдайской помещицы. К истории помещичьего быта». Анализируя дневник Квашниной-Самариной, Смирнов как исследователь помещичьего быта пытается показать хозяйственную, экономическую, общественную стороны помещичьей деятельности. На основе этого материала была подготовлена статья «К истории социально-бытовых отношений в первой половине XIX века» для 9-го, последнего сборника НОЛД в 1928 г.

В протоколах заседаний НОЛД сохранились очень краткие тезисы выступлений Сергея Михайловича: «Литовская партия в Новгороде» и «Иван Посошков в Новгороде» — последние представляют наибольший интерес как попытка самостоятельного анализа материалов о первом русском экономисте и общественном деятеле Петровского времени. Основное внимание в сообщении было уделено пребыванию Посошкова в Новгороде, его главным занятиям, дворам,

Сергей Михайлович Смирнов.

где он пребывал, планам устройства в Новгороде полотняной фабрики, знакомству с образованными новгородскими купцами. Вторая часть этого сообщения посвящалась поместью Посошкова в Устрекском погосте Бежецкой пятины новгородской земли.¹

Работа общества осложнялась постоянными материальными трудностями, но несмотря на это состав его увеличивался и расширялась научная, пропагандистская и исследовательская деятельность. В 1924 г. была организована краеведческая секция, осуществлявшая широкую работу по разным направлениям: производительные силы губернии, экономика и быт края в современном состоянии, но Сергея Михайловича особенно интересовали и волновали вопросы исторического краеведения. 29 июня 1927 г. он выступает на собрании НОЛД с сообщением «К вопросу о новгородском некрополе». Речь шла о важности сохранения и изучения надгробных памятников на могилах выдающихся общественных деятелей, людей науки, литературы и искусства, имевшихся в Новгороде.

Сергей Михайлович предлагал в первую очередь обратить внимание на беспорядочное состояние монастырских кладбищ (Антониева монастыря, Духова монастыря, Юрьева монастыря) и старых городских — Рождественского и Петропавловского. Было принято решение об участии всех членов НОЛД в этой важной и нужной работе, завершить которую так и не удалось, и всю свою жизнь до последних дней С. М. Смирнов сокрушался об этом и продолжал по своим силам и возможностям собирать исторические сведения о новгородском некрополе.

¹ ГАНО, оп. 1, Р-1940.

Как знать, может быть, благодаря Сергею Михайловичу сохранилась могила С. С. Шашкова на Рождественском кладбище, Тырковых в Вергеже. Тогда же в конце 20-х гг. была начата и не завершена Смирновым работа по составлению «Биобиблиографического словаря новгородцев». В протоколе заседания от 24 ноября 1928 г. записано: «Комиссия по составлению биобиблиографического словаря новгородцев определила круг вопросов, структуру и форму единообразной карточки для занесения биографических и библиографических сведений и план просмотра соответствующих изданий для извлечения сведений о новгородских уроженцах».² Первые биографии деятелей XVIII—XIX вв. (в количестве 38) были уже составлены, но завершению этой работы помешали трагические в истории краеведения и всех научно-исторических краеведческих обществ события начала 30-х гг.

Последние годы работы в НОЛД и музее были для С. М. Смирнова ознаменованы интересными археологическими исследованиями. В 1928 г. Сергей Михайлович организовал первую археологическую экспедицию по Ловати с целью обследования и описания сопок, курганов и городищ. Собранные участниками экспедиции сведения были залогом сохранения и изучения этого региона в дальнейшем. Именно в ходе этой экспедиции было составлено описание и сделаны зарисовки и обмеры Курского городища. По пути следования экспедиция осматривала и фиксировала все историко-художественные и бытовые памятники, например, церкви с находящейся в них утварью, иконами, документами, книгами.

Опыт первой экспедиции позволил еще более качественно и продуктивно организовать две аналогичные поездки: в 1930 г. по древнему водному пути из оз. Ильмень на юго-восток к Селигеру по р. Поле и ее притокам и в 1931 г. — археологическое обследование берегов р. Мсты от с. Воймерицы до с. Бронницы. Отчеты об этих экспедициях были сделаны на заседаниях НОЛД³ и помещены в двух выпусках материалов музея.

30 ноября 1929 г. С. М. Смирнов выступил в НОЛД с докладом: «К вопросу о происхождении названий населенных мест новгородского края».⁴ Взяв район Поозерья, автор исследовал происхождение 57 названий, разделив их на группы по особым признакам их происхождения: от характера местности, от видов растений и животных, от имен основателей или первых жителей, связанных с историческими событиями. Остается только горько сожалеть, что Сергею Михайловичу не удалось завершить этих работ, а все собранные им материалы погибли во время эвакуации.

Скупые строки протоколов и других официальных документов дополняют яркие и живые страницы воспоминаний С. М. Смирнова, написанных уже в последние 7—8 лет жизни по настоятельным просьбам друзей и учеников. Это — история Новгорода 20-х—30-х гг., события и люди, виденное и пережитое, Новгородский музей и его жизнь в первое послереволюционное десятилетие. Сергей Михайлович обладал удивительной памятью и необыкновенной наблюдательностью: помнил и воспроизводил мельчайшие детали и моменты, давал яркие характеристики — живые портреты тех людей, с которыми встречался, работал,

² ОПИ НГМ, ф. НОЛД, ед. хр. 2006.

³ Там же, ед. хр. 2005.

⁴ Там же, ед. хр. 2013.

был дружен. Жаль, что пока не предоставляется возможности издать эти воспоминания целиком, но даже частичная публикация будет важна и интересна для исследователей и многих жителей Новгорода, интересующихся своим прошлым. Воспоминания не претендуют на исчерпывающую полноту, но обладают замечательной особенностью: автор великолепно передает живое дыхание времени, характеры людей, сообщает массу интереснейших подробностей и деталей, касающихся культурной жизни Новгорода, истории его музея в 20-е гг. Очень интересна и та часть воспоминаний, которая посвящена годам учебы в Тихвинском духовном училище, Новгородской семинарии и Петроградской духовной академии.

Как специалиста и знатока церковных древностей С. М. Смирнова привлекли к участию в кампании по изъятию церковных ценностей из храмов Новгорода, и, вероятно, некоторые из сегодняшних экспонатов Новгородского музейного собрания были спасены им тогда.

Разгром краеведческого движения в начале 30-х гг. и следственное дело в отношении НОЛД привели к печальным для Сергея Михайловича последствиям. К счастью, ссылка была непродолжительной, и уже в середине 30-х гг., вернувшись в Новгород, Смирнов переходит целиком на преподавательскую работу в Новгородском индустриальном техникуме, а после возвращения из эвакуации с 1946 г. в течение 20 лет беспрерывно преподает историю в новгородских школах (вначале № 1, потом № 4), заведует учебной частью и ежегодно организует с учащимися краеведческие походы по области, школьные выставки.

До самого последнего времени Сергей Михайлович Смирнов не терял глубокого интереса к истории, людям, жизни родного города и музея. Он тщательно и скрупулезно собирал материалы и фотографии по истории памятных мест новгородской земли. Друзей и собеседников у него всегда было много. Он регулярно писал в разные города, делился со всеми тем, что мог отдать, — своей памятью и добротой. Он успевал просматривать и читать множество современных изданий по истории, археологии, этнографии и очень радовался, когда удавалось получить что-то из ранее не виденного, но интересного и важного для него. У него не было свойственного многим старым людям пристрастия к идеализации прошлого — он и в прошлом и в настоящем видел темные и светлые стороны, самую суть событий и в то же время интересные детали.

Сергей Михайлович всего полгода не дождался своего столетнего юбилея и не дождался выхода в свет своих воспоминаний, но все, кто его знал, кто у него учился или просто общался с ним, будут с благодарностью хранить память о замечательном человеке, настоящем новгородце, жизнью своею служившем Великому Новгороду.

Ввиду ограниченных возможностей сборника, мы помещаем лишь ту часть воспоминаний С. М. Смирнова, которая представляет наибольший интерес для изучения истории Новгорода. Купюры внутри глав не делались. Авторский текст сохранен полностью. Целиком текст рукописи Смирнова в рукописном и машинописном вариантах хранится в ОПИ НГМ. Там же находится и его личный архив.

Н. Н. Жерве

ВОСПОМИНАНИЯ О ВРЕМЕНИ МОЕЙ РАБОТЫ В НОВГОРОДСКОМ МУЗЕЕ

Необходимое предуведомление

Воспоминания эти не представляют собой последовательного рассказа о различных обстоятельствах моей жизни, начиная с раннего детства. Это не более как воспроизведение в памяти отдельных случаев в моей жизни и работе, в какой-то степени примечательных. Это первое. И второе — поскольку рассказ ведется о событиях довольно далекого прошлого, то следует учитывать, что в нем, естественно, могут быть в наличии забывчивость в некоторых деталях описываемых событий, смешение черт в характеристиках участников этих событий, не говоря уже об особенностях личных взглядов самого автора воспоминаний.

НОВГОРОДСКИЙ МУЗЕЙ И БИБЛИОТЕКА ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Вблизи главного здания Новгородской духовной семинарии, используемого в настоящее время новгородским пединститутом, немного в стороне, располагается каменная старинная постройка явно нежилого вида. Помещенная здесь надпись гласит: «Библиотека Антоньева монастыря. 1780 г.». Надо только внести существенную поправку: библиотека не Антоньева монастыря, а духовной семинарии, помещавшейся на территории Антоньева монастыря.

Здание действительно было построено в 1780 г. (семинария открыта в 1740 г.) для помещения в нем фундаментальной библиотеки семинарии, начало которой было положено переданным в семинарию собранием знаменитого сподвижника Петра I и выдающегося ученого новгородского архиепископа Феофана Прокоповича. Феофан скончался в 1736 г., и его преемники по установившейся традиции оставляли свои книжные сокровища той же Новгородской семинарии. Так, в 1753 г. в библиотеку семинарии поступило книжное собрание архиепископа Стефана Калиновского, в 1745 г. — библиотека основателя семинарии архиепископа Амвросия Юшкевича.

Все эти библиотеки новгородских ученых иерархов заключали в себе большое количество исключительно ценных по своей уникальной редкости сочинений как по богословским дисциплинам, так и по широкому кругу наук, вышедших из западных типографий — германских, амстердамских и др. Огромные фолианты на плотной с водяными знаками бумаге, в кожаных внушительных переплетах уже сами по себе представляли исключительную ценность. Фундаментальная библиотека семинарии своим чередом росла, но эти издания составляли ее особый фонд, который не находился в обычном использовании. Правда, сохранность этих редких изданий была обеспечена, так как библиотека была обставлена прочными книжными шкафами со стеклянными дверцами, здание библиотеки было изолировано от других помещений и безопасно в пожарном отношении.

Все же было очевидно, что особо ценная основа фундаментальной библиотеки Новгородской духовной семинарии требует другой специальной формы ее хранения и научного использования.

В 1913 г. приезжал в Новгород профессор Варшавского университета П. В. Верховский, в свое время окончивший курс Новгородской духовной семинарии. Навестил, он, конечно, и свою «альма матер», видел и ее библиотеку. По возвращении в Варшаву он опубликовал брошюру «Библиотека Новгородской духовной семинарии и ее сокровища», в которой высказал мнение, что эти сокровища во избежание всяких случайностей должны быть переданы в то или иное центральное книгохранилище.

После революции 1917 г. в здании духовной семинарии открылся педагогический техникум, переименованный вскоре в Учительский институт, а библиотеку семинарии вместе с ее зданием передали в ведение новгородского Губмузея. На хранение Губмузей библиотеку принял, но что делать с ней, никто ничего не знал, да и соответствующих кадров у музея не было. Между тем, обстановка вокруг библиотеки складывалась явно не к лучшему. В Антоньевом монастыре поселили коммуны из бывших беспризорников. Эти «лихие» ребята с самого начала ознаменовали свое пребывание в стенах тихой обители тем, что разгромили старинное монастырское кладбище. Разбивали надгробия, добирались до скелетов и, вытаскивая оттуда черепа покойных новгородцев, играли ими вместо мячей. Положение складывалось опасное, но, как часто бывает, на помощь пришел случай. Как-то в первые послереволюционные годы посетил Новгород известный ученый-византист В. Г. Васильевский, профессор Петроградского университета. Был в музее, заинтересовался судьбой знаменитой библиотеки Феофана Прокоповича, о которой, конечно, знал многое, и попросил показать ее. Маститый ученый долго ходил по библиотеке, открывал шкафы, вынимал отдельные фолианты и вслух восторгался увиденным. Поблагодарил за любезный показ библиотеки и на прощанье многозначительно сказал: «А у вас здесь есть много такое, чего нет у нас в центре».

Результат посещения сказался довольно скоро: в Новгороде получено было сообщение, что по распоряжению соответствующих правительственно-научных инстанций библиотека Феофана Прокоповича переводится из Новгорода в Государственную Публичную библиотеку в Петрограде. Незамедлительно затем в Новгород прибыла группа научных работников Публичной библиотеки для проведения этой операции. Здесь на месте создана была спец. комиссия, в состав которой кроме сотрудников Публичной библиотеки вошли следующие лица: находившийся в научной командировке в Новгороде проф. Иосиф Болеславович Михайловский, ученый-архитектор; занимавший тогда должность городского инженера Новгорода, всегдашний друг и ревнитель музейных дел Любарский Аркадий Алексеевич и от коллектива музейных работников зав. историческим музеем Смирнов С. М.

Работа шла успешно, спокойными темпами. В сравнительно короткий срок опытные работники Публичной библиотеки отобрали книги основного, наиболее ценного фонда бывшей фундаментальной библиотеки Новгородской духовной семинарии. Позднейшие издания, в том числе исторические журналы, были оставлены на месте. Для отобранного книжного материала были изготовлены специальные ящики, в них были тщательно и бережно упакованы книжные редкости. Ящики были доставлены на вокзал, погружены в вагоны и под особой охраной в свое время прибыли к месту назначения. В залах Государственной Публичной библиотеки нашли свое надежное убежище бесценные фолиан-

ты, страницы которых в свое время перелистывала рука ученейшего человека XVIII столетия Феофана Прокоповича.

В довершение рассказа о том, как уберегли знаменитую новгородскую библиотеку, следует сказать, что этой библиотекой весьма интересовался известный новгородский историк и археолог конца прошлого и начала нашего века Василий Степанович Передольский. Он держался того мнения, о чем рассказывал в своей книге «Новгородские древности», что в стенах старинного здания семинарской библиотеки имеются тайные пустоты, в которых замурованы находившиеся в книжном собрании Феофана Прокоповича так называемые «черные книги»: гадалочные, содержащие в себе предсказания всякого рода и прочее. Книги эти, в большинстве рукописные, считались еретическими и в качестве таковых преследовались как церковными, так и гражданскими властями, но, несмотря на все запреты, имели широкое хождение в народе. Почтенный историк писал, что «желательно исследование семинарского книгохранилища хотя бы простым выстукиванием для обнаружения предполагаемых пустот в кладке».

Трудно сказать что-либо определенное об этих домыслах покойного новгородского исследователя, отличавшегося в своих научных трудах и изысканиях некоторой склонностью к скороспелым и малообоснованным выводам. Никакого обследования стен и сейчас существующего старинного книгохранилища, разумеется, не производилось: все это считали фантазией и несерьезным делом. Что же касается так называемых «черных книг» то возможно, что Феофан Прокопович как просвященный иерарх интересовался ими и даже имел какое-то собрание их, тем более что по долгу своему хранителя и оберегателя незамутненной никакими еретическими измышлениями народной веры, проповедуемой церковью, он обязан был прежде всего сам обследовать эти отступления от канонических текстов, изложенных в официальных церковных книгах. Где же могут быть эти таинственные «черные книги»? Ответить на этот вопрос трудно.

Дополнение к теме, сделанное спустя много лет

Фундаментальная библиотека Новгородской духовной семинарии находилась одно время в распоряжении Губмузея. Разумеется, основной «Феофановский» фонд библиотеки должен был оставаться неприкосновенным и тщательно хранимым впредь до того, как компетентные научные специалисты смогут приступить к его разбору и изучению. Но была и обычная повседневная часть той же библиотеки, которая не была какой-то музейной, а действующей, в которую шли новые поступления и из которой можно было получить книги для прочтения. Вот в этой части библиотеки можно было произвести некоторый разбор в целях ознакомления с ним и приблизительного определения того, что из общего состава библиотеки желательно было бы оставить в Новгороде в случае вывоза ее в центральные книгохранилища. Сделать это было вполне возможно, но мы, тогдашние музейные работники, до такой степени были мало искушены в этой области, что даже и не помышляли о такой возможности. Между тем, в фундаментальной библиотеке семинарии, несомненно, были издания по истории, выходившие в течение XIX—начала XX в., местные издания вроде «Губерн-

ских ведомостей», «Епархиальных ведомостей» и других подобных материалов.

Вполне можно было ожидать, что в библиотеке хранились, да так оно, конечно, и было в действительности, материалы, касающиеся истории семинарии, знаменательных событий этой истории и повседневного ее быта.

Известно, что в фундаментальную библиотеку семинарии поступали бумаги новгородских архиереев, живших на «покое» здесь и здесь скончавшихся. Таковыми, например, были Антоний (Знаменский), бывш. архиепископ Ярославский, похороненный в Хутынском монастыре, ученый историк Арсений (Ивашенко), викарий новгородский, скончавшийся там же в Хутыни, известный своими исследованиями по истории новогреческой церковной литературы.

Там же в библиотеке находилось собрание, теперь бы мы сказали, краеведческой литературы по Новгородскому краю, исторический труд М. П. Полянского — местного историка. Собрание размещалось в основном шкафу. Теперь это вызвало бы огромный интерес, но тогда, прямо признаюсь, обстоятельство это прошло совершенно незаметно. Правда, собрание М. П. Полянского все-таки было передано музею, но о нем как-то не вспоминали долго или попросту забыли — настолько у музейных работников было еще мало знаний о родном крае и не было в сущности в то время планов по собиранию подобных материалов.

ЛЕОХНОВО И РУБЛЕВА ПУСТЫНЬ

Единственный раз я был в Леохнове летом 1925 г. Поводом для посещения этого села, расположенного в 20 км на северо-запад от Старой Руссы, послужило желание побывать там на деревенском празднике в годы, когда такие праздники еще отличались красочностью и широким русским гостеприимством. Возможности для такой поездки у меня были, так как в Леохнове проживали мои добрые знакомые, праздник же был в честь местного святого Антония, в церковных святцах известного под именем Антония Леохновского. Добираться до Леохнова особого труда не составляло: в Новгороде сесть в поезд, идущий в Старую Руссу, переехать в Шимске реку Шелонь, а там выйти на маленькой станции Перетерка и пешим порядком, самое большее через час, оказаться в Леохнове.

Праздник — праздником, а была у меня при этом и другая задача, а именно, произвести там некоторые изыскания исторического характера. Дело в том, что в Леохнове в конце XVI и в начале XVII в. существовал небольшой монастырь, основателем которого и его игуменом был монах Антоний. Документально известно, что Антоний скончался в 1611 г. в Новгороде и был похоронен при церкви апостола Луки на улице того же наименования на Софийской стороне города. Улица эта существует и сейчас и до сих пор сохраняет свое древнее название. Вероятно, Леохновский монастырь имел на Лукинской улице свое подворье, где и останавливался монастырский люд во время приездов по делам в Новгород. Некоторое время спустя останки Антония были перенесены в Леохново и захоронены там. Самый монастырь по екатерининским штатам 1764 г. был упразднен и обращен в приходскую цер-

ковь. В настоящее время в селе Леохнове существует каменная церковь постройки не ранее XVIII в. В церкви имеется каменное надгробие над могилой Антония Леохновского.

В самом Леохнове в те годы, когда я побывал там, жили одни церковники. Рядом располагалась большая деревня Виленка — центр бывшей Виленской волости Старорусского уезда. Реки в Леохнове нет, воду берут из глубоких колодцев, вода чистая и холодная. На погосте были прекрасные яблоневые и вишневые сады, и, что особенно было примечательно, вокруг церкви росли великолепные березы весьма почтенного возраста, но без всяких признаков естественной дряхлости и с удивительно чистой и гладкой корой по всему стволу дерева. Может быть, это была какая-то особая порода берез, а возможно, эти насаждения в Леохнове вели свое начало от корней тех деревьев, которые были посажены здесь еще при Антонии. Известно, что в старину монастыри вели у себя большие посадки разнообразных деревьев, во всяком случае, следовало бы приглядеться к леохновским березам, если только они сохранились до нашего времени.

С погостом Леохново тесным образом связана Рублева пустынь. Приходившие в Леохново считали своим обязательным долгом побывать и в пустыни. Находится она примерно в 5 км к югу от Леохново. Дорога туда идет по ровной безлесной местности и приводит через некоторое время в д. Рублево, живописно расположенную вдоль высокого берега р. Переходы с вишневыми садами, спускающимися по скату от деревни к самой воде. Перехода — речка небольшая, она берет свое начало где-то в здешних местах и вливается в оз. Ильмень за Коростынем у д. Усть-река. В недалеком расстоянии от Рублева расположена и сама пустынь. Местное предание говорит, что основатель монастыря Антоний первоначально жил именно здесь и уже потом перешел в Леохново, где и устроил окончательный монастырь, получивший наименование Леохновского. Однако письменных свидетельств об этом, по видимому, не имеется.

Если представить себе наглядно местность, которую в 1925 г. называли Рублевой пустынью, то это был вытянутый по ровной долине и заросший некрупным лесом, преимущественно березами, прямоугольник, с одной стороны которого находится д. Рублево, а с другой — д. Бахмутово: обе на одинаковом расстоянии от пустыни около полкилометра. Затрудняюсь назвать точнее размеры этого прямоугольника, тогда это как-то в голову не приходило, но, если призвать на помощь зрительную память, то это было примерно около половины километра в длину и четверть километра в ширину.

В год моего посещения Рублевой пустыни она была в полной сохранности. Не замечалось никаких вырубок, не видно было и следов пастбы там домашнего скота. Видимо, в сознании местного населения еще поддерживался в то время ореол бережения и неприкосновенности «святого места». Таких примеров можно было найти немало тогда не только в нашем Новгородском крае.

Были на территории этого укромного уголка природы роднички живой воды, которая питала корни растущих здесь трав и деревьев. Один из таких родничков на глазах у всех образовал уже заметный ручеек, который нашел свой дальний путь к текущей здесь неподалеку речке Переходе.

Народные предания указывали в пустыни определенные места пребывания там отшельника Антония. Одним из таких мест считалась пещера, выкопанная в высоком земельном откосе. На стене пещеры висела старая, покрытая копотью икона, перед коей горела лампада.

В тот праздничный день при мне какая-то бойкая пожилая женщина толково рассказывала собравшимся вокруг деревенским жителям, как пустынный жил в этой пещере, ходил за водой на соседний ключик, трудился на огороде, а по ночам молился «вот перед этой самой иконой». Толпа сосредоточенно слушала, многие из женщин крестились. Местные церковники из вполне понятных соображений, несомненно, поддерживали в своих прихожанах подобные настроения и рассказы.

Кроме пещеры, в пустыни находилась небольшая, сравнительно недавней постройки деревянная церковь. Любопытно отметить, что иконы нижнего ряда иконостаса этой церкви были не живописной работы, а вырезаны, и довольно искусно, из дерева, видимо, каким-то местным мастером. На самом выезде из лесного массива пустыни возвышался большой деревянный крест под деревянным навесом. Крест типа так называемых поклонных, обычный на всем русском Севере.

Уже после войны приходилось слышать, что рублевская березовая роща существует и поныне. Рублево лежит в стороне от больших дорог, и это обстоятельство в годы немецкой оккупации могло спасти его от вторжения непрошенных гостей.

Если еще существует в каком-то виде около деревни Рублево, что на реке Переходе, то, что в прошедшие годы носило название пустыни, следовало бы принять возможные меры сохранения этого небольшого зеленого оазиса, неизвестно когда и каким путем возникшего здесь, на пустой равнине, и уже обязательно держать в памяти чудесные белоствольные березы в селе Леохнове. Почему бы веточки от них не посадить в одном из парков Новгорода? Ведь растут же в новгородском кремле туи, пересаженные туда из имения Выбити того же бывшего Старорусского уезда. Да и на месте, в самом Леохнове, нелишним было бы позаботиться о старых насаждениях и на их корнях возродить и продолжить новую свежую поросль. Наша молодежь в лице местных школьников и комсомольцев всегда готова откликнуться на такое доброе и полезное начинание.

16.02.1983 г.

В ГОСТИ К РЯБУШКИНУ (путевой очерк)

Предварительно помещаю краткие биографические сведения о ближайшем друге А. К. Рябушкина И. Ф. Тюменеве, с именем которого связано много из того, что говорится в путевом очерке.

Тюменев Илья Федорович (1855—1927). Родился в Петербурге в купеческой семье. В 1880—1888 гг. обучался в Академии художеств, которую окончил со званием свободного художника.

Много путешествовал по России, был также за границей — в Западной Европе, Сирии, Палестине. Сотрудничал в журналах (в «Историческом вестнике»). Писал исторические рассказы и повести — из них «Халдей», «Повести из новгородского быта XV в.», с рисунками автора. Известна оригинальная картина И. Ф. Тюменева «Протопоп Аввакум в Пустозерской тюрьме». Холст, масло, 175 × 250, 1888 г. Находится в Горьковском художественном музее.

И. Ф. Тюменев состоял в близком знакомстве и дружеском общении с Н. А. Римским-Корсаковым и написал ряд либретто для опер знаменитого композитора. Под его влиянием занимался музыкой и написал мелодию к церковному песнопению «Херувимская». (Была напечатана у П. Ю. Юргенсона под названием «Добросельская»).

В конце 80-х или в начале 90-х годов Илья Федорович купил участок земли в Новгородском уезде в Любанской волости, там, где в реку Тигоду впадает небольшая речка Кородынька, и построил там себе усадьбу, которой дано было название «Приволье». По имени этой усадьбы Илья Федорович взял даже себе псевдоним «Привольцев».

В Приволье он приютил своего большого друга и единомышленника художника Андрея Петровича Рябушкина, построил для него отдельный домик с мастерской, где художник прожил до самой смерти.

И. Ф. Тюменев имел большую библиотеку. Между прочим, после смерти писателя Н. С. Лескова он купил у его наследников значительную часть книжного собрания писателя и перевез его в Приволье.

Когда в 20-х годах выселяли из усадеб помещиков, Илья Федорович переезжает в Ленинград к сыну, Александру Ильичу Тюменеву, известному ученому по истории первобытного общества, профессору чл.-кор. АН СССР. Вместе с остальным имуществом была перевезена в Ленинград и собранная Ильей Федоровичем библиотека.

Известен портрет И. Ф. Тюменева, написанный А. П. Рябушкиным в конце 80-х годов прошлого века. Портрет находится в собрании семьи Тюменевых в Ленинграде.

Приступаю теперь к рассказу о своем путешествии. В июле месяце 1926 г. удалось мне осуществить давнишнее свое желание посетить те места, где долго жил, работал и скончался прекрасный художник Андрей Петрович Рябушкин, творчество которого тесно связано с природой и историей Новгородского края. Проживал он, как сказано выше, в усадьбе Приволье, находившейся примерно в 20 км от станции Любань Окт.ж.д. и принадлежавшей И. Ф. Тюменеву, литератору, художнику и большому, задушевному другу Андрея Петровича.

До Любани по железной дороге я не доехал, вышел из поезда в Померанье и направился пешком в Приволье, до которого, как мне сказали, было около 12 км. Дорога была сухая, кругом лес. Проходил я мимо старинного села Чудской бор с церковью на высоком холме. Добрался до Приволья и нашел там полное запустенье. Все постройки усадьбы были целы, но выглядели они мертвыми. Дело в том, что бывшие хозяева были выселены из своих владений, которые находились теперь в распоряжении Новгородского уездного земельного отдела. Мне предоставлена была возможность осмотреть постройки.

Усадьба Приволье по всем признакам была не из богатых. Территория усадьбы была обнесена простой деревенской изгородью, и на этой территории стояли деревянные строения жилого и хозяйственного назначения, все они пустовали, не видно было нигде замков. В сопровождении старика-сторожа я обошел все постройки, в которых еще недавно шла своя жизнь.

Главный дом в Приволье деревянный, одноэтажный, с мезонином, фасадом своим был обращен во двор усадьбы. Перед домом располагалась широкая, поросшая травой лужайка, со следами цветочных клумб. В доме было пусто и одиноко. На стенных обоях были видны следы висевших здесь когда-то картин и семейных фотографий.

Почти посередине двора возвышалось круглое, мне показалось, дощатое строение в виде ротонды с пристроенным к нему крылечком. Владелец усадьбы был большой книголюб и собрал значительную библиотеку, для которой и было построено это здание. Поднимаюсь на крылечко, открываю наружную дверь, за ней вторую внутреннюю и на белой некрашенной плоскости вижу написанную А. П. Рябушкиным картину «Аполлон Мусагет летящий». Картина была написана маслом и была в полной сохранности. Внутри здания по стенам в два этажа, за обрамленными деревянными перильцами, шли стеллажи для книг. Вверху имелись небольшие оконца для света. Книги владельцы увезли с собой. В осиротелом здании оставался в одиночестве лучезарный бог искусства и вдохновения. Судьба этой картины неизвестна.

Позади здания библиотеки в недалеком от него расстоянии стоял деревянный дом обычного деревенского типа, в три окошка налицо. В этом скромном доме прожил ряд лет известный в истории русского искусства художник А. П. Рябушкин. В чердачном помещении была устроена мастерская живописца с застекленным верхом. Внутри было пусто и пахло нежилым. И на душе у меня было печально и сиротливо.

Мимо Приволья пролегалла обычная проселочная дорога. По другую ее сторону, немного поодаль, на берегу речки Кородыньки видны были строения небольшой усадьбы Павлова, тоже художника и тоже друга И. Ф. Тюменева и А. П. Рябушкина. Название усадьбы не запомнилось. Сюда я уже не заходил и направился в близлежащее село Доброе, где находилась могила А. П. Рябушкина.

Село Доброе увиделось мне в каком-то уединении. Может быть, потому что рядом с ним было не видно деревни. В селе возвышалась каменная церковь. На кладбище при ней, с южной стороны, я сразу же нашел и поклонился могиле славного художника, так хорошо и близко чувствовавшего родную русскую землю, ее историю, которую так любил. На могиле был поставлен высокий деревянный крест, покрашенный какой-то красноватой краской. На средней перекладине креста были написаны черной краской имя, отчество и фамилия художника и даты его рождения и смерти (1861—1904).

Церковь в Добром в эти годы была в полной сохранности, в ней совершалось богослужение. Было известно, что в свое время А. П. Рябушкин на парусах в куполе церкви написал четырех евангелистов. Войдя в церковь, я сразу увидел эти изображения, которые хорошо просматривались снизу и производили большое впечатление. Но вот что я увидел новое, о чем мне не приходилось знать и читать ранее: в нижнем ряду иконостаса, против правого клироса, находилась икона несколько необычного вида — на ней не было ризы, никаких венчиков и украшений. Из рассказа священника выяснилось, что, действительно, это не икона в прямом смысле слова, а картина, написанная А. П. Рябушкиным и принесенная им в дар церкви. На картине был изображен местный святой, известный под именем Макария и живший в неустановленное точно время в небольшом монастыре в недалеком расстоянии от села Доброго, на речке Лезне.

Картина писана на холсте масляными красками и изображала пожилого странника, среднего роста, с непокрытой головой, который вышел из леса и стоит на тропинке, спускающейся к речке или озеру. Пейзаж местный. Видимо, художник нашел где-то в окрестностях понравившийся ему уголок. Можно полагать, что и в образе пустытника

художник изобразил кого-либо из своих многочисленных знакомых среди местных жителей. Говорили, что он был весьма радушным и общительным человеком, любившим простой народ, который платил ему таким же расположением и доверием. Для картины сделали раму и поместили ее в иконостас. Там она хорошо сохранялась. Жаль, если она потерялась или была уничтожена. В работах художника упоминание о ней не встречается.

В алтаре Добросельской церкви во весь потолок были написаны планеты в их вечном движении вокруг солнца. Работу эту оставил о себе на память упомянутый выше художник Павлов, сосед Рябушкина и его друг.

Наконец, еще одну подробность заметил я при осмотре церкви села Доброго, а именно: в церкви был небольшой придел и в его иконостасе обрамление икон было установлено из фарфорово-фаянсовых плиток, изготовленных на местном заводе полукустарного типа, потом заброшенном.

Война 1941—1945 гг. начисто разгромила и уничтожила все эти места с такими мирными уютными наименованиями: Приволье, Доброе. Прах художника Андрея Петровича Рябушкина был перенесен и захоронен в Любани, где ему поставлен памятник.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ НОВГОРОДСКИМ МУЗЕЕМ

В целях изучения Новгородского края в историко-археологическом отношении и собирания соответствующих материалов во второй половине 20-х—начале 30-х годов были организованы 3 экспедиции, для которых местом исследования были избраны территории по течению главных рек, прорезывающих Новгородский край: Ловати — в южном направлении, Полы — в юго-восточном направлении и Мсты — в северо-восточном. Музейное дело в Новгороде в упомянутые годы только становилось более или менее прочно на ноги, и поэтому, естественно, у музея не было возможностей организовать эти экспедиции достаточным образом, как в отношении укомплектования их необходимыми кадрами научных сотрудников, так и в обеспечении для них прочной материальной базы. Новгородское общество любителей древности в лице некоторых своих членов приняло деятельное участие в этих экспедициях. Исследования велись главным образом в области учета и описания историко-археологических памятников, таких как курганы, или по-местному сопки, городища, жальники и т. п. Одновременно производилось обследование памятников архитектуры: церквей и часовен, построек в бывших помещичьих усадьбах. В условиях тех лет экспедиции эти были первыми опытами краеведческого изучения отдельных районов Новгородского края.

1. Археологическая экспедиция по р. Ловати летом 1928 г.

Организована была во второй половине июля месяца. В состав экспедиции вошли следующие лица: С. М. Смирнов, зав. историческим музеем, руководивший экспедицией, и члены общества любителей древности — В. Н. Знаменский, К. П. Драницын, В. К. Пономарев и Ф. И. Доманчев. Главной задачей экспедиции ставилось обследование

и описание курганов (сопок) и городищ, расположенных в долине реки Ловати от села Черенчицы, на юго-востоке от г. Старая Русса, и до деревни Городня, расположенной на границе, отделявшей Новгородскую губ. от соседней Псковской. Для большей точности обследования члены экспедиции весь намеченный маршрут прошли пешком сначала по левому берегу реки, а обратно — по правому. Проведены были обмеры сопок и их фотографирование. Особенное внимание было уделено известному в истории Курскому городищу на правом берегу Ловати близ селения того же наименования. Вместе с подробным описанием городища В. И. Знаменским был составлен подробный план этого малоизвестного археологического памятника. В научной литературе о нем план этот был первым.

Одновременно с учетом и описанием археологических памятников производилось обследование встречающихся на пути экспедиции церквей и часовен, их архитектуры и внутреннего убранства. Таковы памятники старинных погостов на Ловати, таких как Черенцы, Щотово, Веряско, Погостище, Близинка, Перегино. В Погостище на колокольне местной церкви были обнаружены колокола XVII в. с немецко-латинскими надписями.

Отчет о работе экспедиции был напечатан в сборнике Новгородского музея: Материалы и исследования. 1930. Вып. 1. Сведения о церковных древностях в данный отчет не вошли.

2. По реке Поле и ее притокам

Так называлась вторая археологическая экспедиция, организованная Новгородским музеем в 1930 г. Ее задачей было обследование и учет археологических памятников вдоль древнего водного пути, ведущего от оз. Ильмень на юго-восток, на оз. Селигер и Волгу.

В состав экспедиции входили научные сотрудники музея С. М. Смирнов, Б. В. Шевяков и члены общества любителей древности В. И. Знаменский, К. П. Драницын и А. Ф. Мясников. Как и в ловатской экспедиции 1928 г., участники этой новой экспедиции совершили ее пешком по берегам реки Поля и ее притокам Явони, Поломети, Шеберехи и других более мелких. Высадившись на ст. Пола железнодорожной линии Дно—Бологое, участники экспедиции спустились по нижнему течению р. Поля к оз. Ильмень, вернулись обратно на станцию и от нее направились вверх по реке в принятом для целей экспедиции направлении. Всего в пределах Новгородской губернии экспедиции проделала путь по реке Поле до села Молвотицы включительно.

Как и в предыдущей ловатской экспедиции, участники теперешней Половской экспедиции основной задачей своей ставили учет и обследование археологических памятников-сопок, городищ. Обычным способом составлялось описание памятников, их расположение и обмеры.

Особо важными объектами исследования для данной экспедиции явились памятники, расположенные на территории селения Молвотицы. Кроме нескольких сопок здесь находится «Городище» или «Городок», как обычно зовут его на месте. Упоминается памятник в летописях от XV в. под именем «Молвятич городок». Еще называется он в той же летописи «владычень городок», т. е. он входил в состав владений новгородского Софийского дома. От этого времени в нем сохранились

остатки земляных валов и других укреплений. Как и в Курском городище на Ловати, в Молвотицах не производилось в прежние времена серьезных и глубоких исследований в виде более или менее обширных раскопок. Поэтому места эти до сих хранят в себе немало тайн и вопросов. Участник экспедиции В. И. Знаменский составил топографический план Молвотицкого города, по времени первый в истории обследования памятника, как было и в случае с городищем «Кур на Ловати».

Попутно с обследованием археологических памятников производился осмотр местных церквей. Древних среди них не было, большей частью это были постройки конца XVIII—XIX в. Среди них выделялась церковь в с. Налючи на Поле, в 12 км от станции Пола. Иконостас в этой церкви был высокой художественной работы и по стилю приближался к предметам русского ампира начала—середины XIX в. Наличие его в деревенской церкви объяснялось, вероятно, тем, что в украшении храма принимали участие местные помещики, богатые и по-своему просвещенные люди. В Налюче как раз владели поместьями сначала граф Стройновский, а потом Зуров, тот самый военный губернатор, при котором служил в Новгороде А. И. Герцен. На кладбище Налючской церкви, сразу за алтарем, находились две одинаковые могилы с чугунными крестами, с надписями на средних перекладинах крестов, первая — Эллидифора Васильевича Зурова и вторая его супруги Екатерины Александровны Зуровой, в первом браке графини Стройновской. Рядом с этими двумя могилами находилась еще третья с памятником — высоким крестом, на котором была надпись, что в могиле этой погребен некий князь Имеретинский.

В Налюче в год посещения ее экспедицией еще сохранялся помещичий дом. Усадьба носила название «Мыза Валерьяновых», по имени построившего ее графа Валерьяна Стройновского. По берегу реки Пола простирался обширный парк, переходивший в конце в дикий лес. В годы войны 1941—1945 гг. все это было целиком уничтожено.

Километрах в пяти выше по течению р. Пола расположено село Колома, а близ него было когда-то поместье Милохово. Принадлежало оно генералу в отставке А. Д. Буткевичу, похоронен он был в церкви с. Колома, мы видели там над местом его погребения серебряную дощечку с его именем. Генерал Буткевич служил под начальством А. В. Суворова и в 1794 г. принимал участие в штурме и взятии пригорода Варшавы Праги. В Милохове росли его две дочери, Екатерина и Вера. Первая была замужем за графом Стройновским, вторым браком за Э. В. Зуровым и погребена в Налюче. Вторая же имела особую судьбу и под именем «Веры молчальницы» погребена на кладбище Сыркова монастыря близ Новгорода. Известный пушкинист Н. Лернер полагал, что сестры Буткевич послужили прототипами героинь романа Пушкина «Евгений Онегин» — Татьяны и Ольги Лариных.

Было во время Половской экспедиции и другое открытие, тоже связанное с именем Пушкина. Недалеко от Молвотиц находилось местечко Кокшино, бывшая усадьба дворян Ельчаниновых, в ней был организован колхоз. В полутора километрах от Кокшина расположена д. Гусево. В ней на задворках, где стояли деревенские бани, возвышается старый дуб, великолепно сохранившийся. Местные жители хранят предание, что в имение Ельчаниновых приезжал молодой Пушкин, совершавший прогулки из Кокшина в Гусево, где он отдыхал под се-

ню дуба. Жители деревни верили этим рассказам и берегли дуб, называя его пушкинским. Прибавляли еще, будто бы в усадьбе Кокшино хранилась шляпа и трость поэта. Уже в послевоенные годы мне снова удалось побывать в Молвотицах с экскурсией учеников новгородской средней школы № 7. Я навел справки о судьбе «пушкинского дуба» и с великим сожалением узнал о печальной его участи. Местные пастухи устроили костер в дупле дуба, и он упал на бок. Вероятно, теперь от него не осталось и следа.

А. Ф. Мясников сделал прекрасный снимок памятного дуба, а также церкви в Молвотицах, построенной на Городке. Фотоснимки эти в годы войны были утрачены.

Отчет о Половской экспедиции был помещен в издании новгородского музея: Материалы и исследования. 1931. Вып. 2.

3. По реке Мсте, от Воймериц до Новгорода

Проведена была эта экспедиция летом 1931 г. Участниками ее были те же лица, из сотрудников музея и членов общества любителей древности, что и в предыдущей Половской. Началось наше путешествие по Мсте от д. Воймерицы, что находится на правом берегу реки Мсты, в нескольких километрах от теперешнего Любытина (прежнего села Белого). Вероятно, так случилось потому, что в этой небольшой деревне нам удалось купить за 60 р. исправную и крепкую лодку. Хотя участники экспедиции продвигались вдоль течения реки пешком, но лодка была нужна для провоза багажа и других непредвиденных случаев.

Самым первым памятником, обследованным нами, был Воймерицкий каменный крест, известный ученым еще задолго до революции. Его история в послереволюционные годы заслуживает особого внимания и рассказа, но сейчас я скажу только, что в настоящее время Воймерицкий крест находится в Новгородском музее, а в 1931 г. он стоял в деревянной часовне на берегу реки Мсты рядом с деревней. Крест этот обычно относят к XIV в., но на самом деле он, вероятно, более древний. Время его определили более по чужим описаниям, на месте же, в Воймерицах, ученые тогда не появлялись. В 1931 г. крест находился в полной сохранности. Он стоял в часовне, был прислонен к передней стене в центре ряда других икон на этой же стене. На средней части креста выбита надпись: «Мируслову и Лазореви братья и мати (Мир [у] слова) постави крест», внизу добавлено «славоне делале». Существовало смутное предание, что крест приплыл откуда-то сверху реки на льдине. Население бережно относилось к памятнику древности. Когда носили часовню, крест зарыли тут же на месте в землю. Уже после войны его нашли и доставили в Новгород.

Территория по берегам Мсты и в ее среднем и нижнем течении не имеет того количества сопок, как это имело место на Ловати, но все встречавшиеся на пути археологические памятники вошли в описание. В одном месте встретилось интересное городище, мельком упоминавшееся в старых исследованиях.

Осмотрены были церкви в селах Морконницы, Морозовичи, Устье-Волма и др. Запомнилась деревянная часовня на кладбище села Устье-Коширское (речка Коширка, зовут село просто Устье). Часовня постройки, похоже, XVIII в., с высоким крыльцом и дверью со старинным внутренним замком. В часовне вся ее передняя стена была

занята иконостасом, современным построению самой часовни. Любопытная деталь: крайняя справа икона, очевидно хранителя, имела особую занавеску из домотканины, которой икона закрывалась, по видимому, на те часы, когда люди уходили из часовни. Не был ли то старообрядческий обычай? Уже после войны часовня была перевезена в Новгород, в музей деревянного зодчества «Витославлицы», но без икон, которые были утеряны или расхищены.

Материалы по Мстинской экспедиции опубликованы не были за прекращением издания музея «Материалы и исследования».

ИСТОРИЯ ИЗ МУЗЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Аукцион в музее

Такой действительно происходил летом 1925 г. в музее быта в бывшем имении князей Васильчиковых Выбити.

Сначала о самом имении и его владельцах. По современному административному делению оно расположено в Солецком районе Новгородской области и в свое время принадлежало известному дворянскому роду Васильчиковых. Некоторые из них оставили свой след в истории России. Так, Виктор Илларионович Васильчиков (1810—1878) принял участие в Восточной войне 1853—1856 гг., находился в рядах героических защитников Севастополя, состоя начальником штаба его гарнизона. По окончании войны он занимал пост военного министра России. Его брат Александр Илларионович (1818—1886) известен как видный общественный деятель своего времени и писатель. Он много занимался вопросами сельского хозяйства и выпустил книгу «Землевладение и земледелие в России». Другая его книга носит заглавие «О самоуправлении». Портрет А. И. Васильчикова, в настоящее время находящийся в Новгородской картинной галерее, написал известный русский художник И. Н. Крамской. Накануне революции 1917 г. владельцем имения Выбити был сын А. И. Васильчикова Борис Александрович, министр земледелия и государственных имуществ в последнем кабинете министров царской России. В какой-то степени характеризует семью последних Васильчиковых факт, случившийся с ними в октябре 1916 г. и послуживший поводом многих споров и толков в тогдашнем обществе. Дело было в том, что супруга министра, княгиня Васильчикова, направила императрице Александре Федоровне резкое письмо, в котором ставила ей в вину развитие «распутинщины» при дворе и требовала немедленного удаления из столицы наглого проходимца. Результат последовал скорый и неожиданный: автор письма получила приказание в 24 часа оставить столицу и удалиться к себе в Выбити. В знак протеста и солидарности с женой министр Б. А. Васильчиков подал в отставку и выехал туда же в свое имение. Некоторое время супруги прожили в Выбитах, а затем, устрасясь грозных революционных событий, перекочевали за границу.

Богатое и благоустроенное имение Выбити в первые же послереволюционные годы было преобразовано в совхоз. В нижнем этаже большого каменного дома разместились службы совхоза, а верхний этаж, бывшие апартаменты князей Васильчиковых, превращены были в му-

зей быта. Много из обстановки дома в это тревожное время было утеряно, какую-то часть увезли с собой бежавшие владельцы, но все же в имении оставалось немало вещей, имевших историко-художественное и бытовое значение: картины, книги, мебель, посуда и другие предметы. Все это и составило основной фонд «Музея быта Выбиты».

Справедливость требует признать, что подобные музеи, которые открывались и в других местах, не прижились. Они были однобокими, не отражали жизни широких кругов тогдашнего общества и были по существу отражением жизни и быта дворянской верхушки. Многие из таких музеев в скором времени были расформированы. Такая же участь постигла и музей в Выбитях. Особая комиссия пересмотрела имущество музея и выделила из него те предметы, которые должны были быть переданы в Новгородский музей. Этой комиссии большую помощь оказал своими компетентными советами и указаниями проживавший в те годы в Новгороде известный русский художник О. Э. Браз. Все остальное имущество решено было продать на открытом аукционе.

Он состоялся в июле 1925 г. Из Новгорода, тогда еще губернского, прибыли заведующий финансового отдела губисполкома Парамонов и старший бухгалтер отдела Зыков, к ним в образовавшуюся комиссию вошли местные представители. Проходил аукцион в самом большом помещении верхнего этажа усадьбного дома, в бывшей столовой. Сюда были снесены все вещи, предназначенные для продажи за исключением громоздких, оставленных на их местах. На все предметы были назначены исходные цены. Людей набралось множество. Аукцион нарочно был намечен на воскресный день. По окрестным селениям заранее были сделаны соответствующие оповещения, даны были объявления через печать в соседние города — Ст. Русса, Луга, Холм, Псков и др. Конечно, среди собравшейся толпы добрая половина была просто праздные зрители, нежели потенциальные покупатели, но были тут, как оказалось потом, и денежные люди. Как никак шел нэп, оживлялась частная торговля, а с нею появились всякие дельцы, подозрительные предприниматели и самые обыкновенные спекулянты. Самая процедура аукциона была по-деревенски проста и несложна. В углу залы был поставлен стол, за которым разместились члены аукционной комиссии. Бухгалтер Зыков во всеуслышание объявлял очередной назначенный для продажи предмет, указывал его цену. Человек, за которым оставалась проданная вещь, подходил к столу, платил деньги и получал покупку.

Цены в общем были умеренные. Самые предметы были добротные, вполне пригодные не только для деревенской, но и для городской обстановки: столы, стулья, диваны, шкафы, этажерки. Много было фарфоро-фаянсовой посуды, обыкновенной, но чистой, хорошей выделки, изделия фабрики Кузнецова и др. Посуда продавалась отдельными предметами. Многие покупали по одной чайной чашке, по паре тарелок. Продавался набор для вина из 25 или 30 бокалов прекрасного гравированного стекла с гербом князей Васильчиковых на каждом бокале. Изготовлен он был по особому заказу на заводе Нечаева-Мальцева в Гусе-Хрустальном. Общее требование было продавать эти изящные предметы также отдельно. Многие покупали их как вазочки для варенья, тем более что каждый бокал был с крышечкой. Цена была высокая, 5 р. за бокал, но вещь получалась нарядная и притом с княжеским гербом.

На аукционе было оживленно и весело. Происходили случаи, которые вызывали к себе особое внимание и возбуждали толпу посетителей. Один из жителей соседней деревни Угощи купил себе красноватого цвета сукно, которым был покрыт пол в б. княжеском кабинете. Покупателю особенно не завидовали: сукно было потертое и заметно выцветшее. Но когда покупателю самому дали снять сукно, выбирая для этого гвозди, которыми оно было прикреплено к полу, оказалось, что под сукном во всю длину кабинета был подложен еще войлок отличного качества и такой же сохранности. Комиссия была озадачена и даже намеревалась повысить цену на продаваемый предмет: вместо назначенных 30 р. получить 60 р. Но потом решили, что правила аукциона делать этого не разрешают, и довольный своей удачной покупкой мужчина под завистливыми взглядами односельчан тут же поднял себе на плечи и унес из зала сукно и свернутый большой трубкой войлок. Кое-кто от восхищения или от чего другого даже хлопал при этом в ладоши.

Другой случай там же в аукционном зале вызвал некоторую осторожность и опасливый шепот в толпе собравшихся. Дело было так. Объявили, что продается парадная двуспальная кровать из княжеской спальни. Было прибавлено: кровать спальная, с бронзовыми украшениями художественной работы. Цена была назначена 700 р. Предложено было желающим купить кровать пройти и осмотреть ее в соседней комнате. Цена безмерно высокая, да и кому собственно нужна была эта княжеская кровать-прихоть? И все-таки покупатель нашелся. Всего один. Осмотрев кровать, он вернулся к столу комиссии, вынул из кармана внушительную пачку денежных знаков и не торопясь отсчитал из нее ровно семьсот рубликов!.. И человек-то был на вид неказистый, в каком-то мятом пиджачишке, на ногах сапоги со сбитыми каблучками. Очевидно, чужой, со стороны какой-нибудь барышник. Люди расступались перед ним, ни о чем не спрашивали, только перешептывались втихомолку.

Торжище в бывшем дворце князей Васильчиковых длилось с утра и до позднего вечера. Вещи новые их хозяева унесли с собой, и все кругом стихло.

Музею еще заранее были переданы следующие предметы: гостиная мебель, обитая шелком винного цвета, с вязаными подголовниками ручной работы, по оценке О. Э. Браза конца XVIII—начала XIX в. Мебель эта была поставлена в Новгороде в картинной галерее, в здании бывшего Ввода-Иерусалимского собора. Там же нашли себе место мебель карельской березы из библиотеки, а также картины, в том числе упомянутый выше портрет А. И. Васильчикова работы И. Н. Крамского.

Книги исторического и художественного содержания поступали в библиотеку музея. Все сельскохозяйственные изделия, а их было большинство, оставлены были совхозу.

В имуществе музея быта были еще два ценных экспоната: великолепный бильярд со всеми к нему принадлежностями, вывезенный в свое время из Англии, и концертный рояль, новый, также заграничной работы. Эти предметы были переданы в Дом культуры профсоюзов, помещавшийся тогда в здании б. Дворянского собрания в Новгороде.

Так окончил свое недолгое существование «Музей быта Выбити».

Одновременно с ним был образован другой небольшой музей быта на мызе графини А. А. Орловой-Чесменской близ Юрьева монастыря.

В нем были собраны предметы, сохранившиеся в обстановке мызы: мебель, фарфор, художественное стекло, картины. К ним были присоединены такого же рода предметы из бывших келий настоящего монастыря. Музей размещался в верхнем этаже мызы и числился в качестве отдельного музейного объекта в системе новгородского губ-музея.

Музей был расформирован своим, так сказать, домашним способом.

МУЗЕЙ ПЕРЕДОЛЬСКОГО

Таковой музей существовал в Новгороде с конца прошлого века и до 20-х годов текущего. Точнее говоря, это было частное собрание разного рода предметов историко-археологического характера, музейного статуса оно не имело и помещалось в деревянном двухэтажном доме на Ильинской улице г. Новгорода и вместе с домом принадлежало известной в городе семье Передольских.

Глава семьи Василий Степанович Передольский был выходец из духовной среды, он получил светское образование и в 80-х годах служил в Новгороде в качестве адвоката («ходатая по делам»). Интерес к истории вообще, любовь к памятникам родной старины сделали то, что Василий Степанович, занимаясь служебными делами, большое внимание уделял изучению новгородских древностей и собиранию предметов новгородской старины. Зная об его увлечении, жители города, в особенности любопытствующие подростки, несли к нему всякие случайные находки, иногда самые обыкновенные незначущие пустяки. Василий Степанович ничем не гнушался, все принимал с благодарностью, поощряя ревнителей пятачком, но из массы приносимого у него временами попадалось и кое-что ценное.

Не будучи лицом с официальными полномочиями, он внимательно следил за всякими ремонтами и поновлениями в древних новгородских храмах и часовнях, успевая заполучить для своего собрания разного рода предметы, признанные при этих работах ненужными и неинтересными. Так, во время реставрационных работ в новгородском Софийском соборе в 90-х годах прошлого века были сняты каменные надгробия над захоронениями новгородских владык в соборе и по странной, больше того, недостойной небрежности свалены были в груды строительного мусора около собора. В. С. Передольский некоторые из этих надгробий сохранил в своем собрании.

Занимался наш историк-любитель раскопками курганов и городищ на территории Новгородской губернии, получая для этих работ соответствующие официальные разрешения. Из такого рода работ наиболее известны и обильны находками были раскопки на Коломцах близ Новгорода в конце 80-х годов XIX в.

Коломцы — урочище на правом берегу Волхова при истоке его из озера Ильмень, напротив Перынского скита. Низкий в этом месте берег реки весной заливался водой, а летом давал большое количество травы для покоса. В песчаных откосах на Коломцах по берегу Волхова и по низинам проток и мелких ручьев, впадающих здесь в Волхов, люди часто находили черепки глиняных сосудов, гладкие и с орнаментом, кремневые стрелки и ножички и другие подобные предметы. Василий Степанович, правильно определив, что на Коломцах имеется налицо

стоянка каменного века, начал здесь раскопки и в течение ряда сезонов составил значительную коллекцию неолитических орудий и предметов быта людей той отдаленной поры, которая была показана на выставке в Соляном городке в Петербурге в 1893 г. Было выпущено к выставке специальное описание-каталог под заглавием «Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья земель Велико-Новгородского державства каменного века». Тон заглавия приподнятый и в некотором роде выпященный, свойственный обычно всем писаниям Василия Степановича.

По своей основной работе в суде В. С. Передольский, видимо, имел достаточные доходы, потому что в Новгороде он приобрел значительное усадебное место на Ильинской ул., напротив старинной церкви Филиппа Апостола. На этом месте был выстроен вместительный двухэтажный дом, сохранившийся до настоящего времени. Около размещались различные хозяйственные постройки, так как Передольские держали домашний скот. Были при доме обычные сад и огород. В верхнем этаже жили хозяева, а весь нижний этаж занимали собрания или коллекции разнообразных предметов, которые и составили так называемый в городе музей Передольского.

Описей этого музея не сохранилось (об этом, впрочем, подробнее будет сказано ниже), но примерное расположение его экспонатов может быть представлено в следующем виде. В самой большой комнате нижнего этажа располагались предметы церковно-археологического характера: киоты, лампы, подсвечники и другие предметы церковной утвари; в других комнатах по стенам были развешены стенды с нашитыми на них предметами из Коломецких раскопок, здесь же можно было видеть различные предметы бытовой обстановки городского и сельского населения Новгородского края. В отдельной узкой, в одно окно, комнате были устроены по двум стенам стеллажи из некрашенных досок, и на них ровными рядами были выставлены человеческие черепа различных размеров. У Передольских ими интересовались и платили небольшую плату, поэтому многие несли сюда найденные в разных местах города черепа из старых захоронений.

Словом, собрание было разнокалиберное, собранное случайным путем, иногда даже каким-то потаенным образом. Так, был в этом собрании большой каменный крест высотой около полутора метров. Когда-то он стоял на кладбище села Аркажа, не на могиле, а около церкви. Стоял и стоял и вдруг исчез незаметно. Оказался потом в собрании Передольского. Передавали правдоподобную историю — нашелся подходящий человек, который ночью подъехал к кладбищу, положил крест на подводу и привез на Ильинскую улицу. И все это стоило рубля три, самое большое пятерка.

Музей Передольского был схож с музеем купца Плюшкина в Пскове. Пожалуй, тот был более упорядоченный. В конце концов Плюшкин продал свое собрание государству еще до революции. Говорили, что такое же предложение было сделано и Передольскому, но сделка почему-то не состоялась. Василий Степанович умер в 1907 г., и после его смерти для музея настали иные времена.

Нужно еще отметить, что В. С. Передольский оставил после себя книгу «Новгородские древности. Записки для местных изысканий» (Новгород, 1898). Это не строго историческое сочинение, а рассказ новгородца, любящего свой город и знающего его историю, об улицах и

площадях Новгорода, постройках на них, о разных памятных событиях, связанных с городом, и о его ближайших окрестностях. Как свидетельство самовидца книга может служить подспорьем для занимающегося историей древнего Новгорода.

После смерти Василия Степановича собрание перешло к его сыну Владимиру Васильевичу Передольскому. По окончании С.-Петербургского университета он состоял там преподавателем по кафедре антропологии. Находясь в этой должности Владимир Васильевич даже составил для студентов краткое пособие по началам антропологии. К работе по этой специальности В. В. Передольский был подготовлен довольно основательно. Кроме прослушивания университетского курса по предмету он совершил путешествие по р. Енисей, где изучал геологию края, быт и историю его заселения местными племенами. Плодом этой работы была книга «По Енисею», вышедшая в издательстве А. С. Девриена, в хорошем оформлении. Время выхода книги — примерно самое начало нашего века.

После революции Владимир Васильевич переселяется в Новгород и начинает работать тогда еще в Учительском институте. Кроме чтения лекций он проводит большое количество экскурсий по памятникам города. Экскурсии эти имели немалый успех и популярность. В. В. Передольский, разумеется, достаточно разбирался в вопросах новгородской истории, к тому же он обладал внушительным и завлекательным голосом, даже с актерским уклоном, одевался своеобразно: носил какие-то широкого покроя поддевки, а зимой богатую боярскую шапку.

В предвидении надвигающейся национализации своего музейного собрания владелец его вместо положенной по закону регистрации собрания в соответствующих органах принял меры к сокрытию отдельных экспонатов, наиболее ценных, путем временной передачи их родственникам и добрым знакомым. Доказательством того может служить следующий факт: в музее Передольского хранилась часть архивов Грузинской вотчины графа Аракчеева, неизвестно какими путями и когда попавшая туда. Документы хранились в семье Косинских, родственников Передольских в доме их на Молотковской улице в Новгороде. Однажды в Губмузей еще до национализации собрания Передольского явился один из семьи Косинских, молодой еще человек, и предложил купить у него «архивную книгу». Это был большой том в хорошем крепком переплете, в котором были тщательно подшиты ценнейшие исторические документы из личного архива Аракчеева: письма к нему Павла I и Александра I, вельмож того времени, митрополита С.-Петербурга Серафима, архимандрита Фотия и семейные — известной экономки Настасьи Минкиной и приемного сына Аракчеева Михаила Шумского и др. Том был приобретен Губмузеем, но там могли быть и другие документы.

Возможно даже, и об этом были определенные разговоры, что ряд предметов был закопан в укромных углах на территории обширной городской усадьбы Передольских. В собрании были новгородские гривны, вислые печати и другие ценнейшие экспонаты, но их при национализации в наличии не оказалось. Когда в дом Передольских явилась комиссия, которая должна была произвести учет музейных предметов и принять их для помещения в государственный музей, Владимир Васильевич Передольский заявил, что описи в музее вообще не велось и

пришлось принимать музей по наличию вещей. Было это в самом начале 1920 г.

Все же в связи с явным сокрытием музейных вещей последнему владельцу музея Передольского пришлось перенести немало тяжелых минут и даже понести наказание. Дело в том, что при приеме предметов собрания для перевозки их в гос. музей обнаружена была пустая деревянная рама, в которой хранился упомянутый крест из Аркажей. На стенке рамы четко обозначена была форма исчезнувшего креста. Возбуждено было дело, и В. В. Передольский предстал перед судом. На открытом заседании суда, которое проводилось в помещении школы (так называемом доме Масловского) на Московской улице, подсудимый произнес с различными свойственными ему эффектами пространную речь, в которой признал, что каменный крест из Аркажей у него действительно был в собрании и хранился в специальной деревянной раме, но он, Передольский, перевез крест на Коломцы, где когда-то их семьей производились раскопки, и намеревался водрузить его в виде памятника его отцу, но крест унесло весенним половодьем. На самом деле, крест, очевидно, также где-то скрыт в земле. Подсудимый отделался легко: ему было вынесено общественное порицание.

В годы репрессий В. В. Передольский был выслан на Дальний Восток, где и скончался неизвестно, в каком году.

МУЗЕЙ В МАРЬИНО

Марьино — богатое поместье в бывшем Новгородском уезде в 8 км от станции Ушаки Окт. ж. д. Принадлежало оно в XVIII—начале XIX в. Строгановым, а в XIX в. путем родственных связей перешло к Голицыным. В революцию имение не пострадало, в нем сохранились все постройки и вся обстановка внутренних помещений. Дом в имении двухэтажный, на подъезде два каменных льва. Вся постройка развернута полукругом. Вокруг раскинулся английский парк. В нем, недалеко от усадебного дома, каменная часовня или церковь готического стиля. Между прочим, все это сохранилось и во время войны 1941—1945 гг., немцы почему-то сюда не заглядывали.

Любопытная деталь. Имение находилось на территории Новгородской губернии. После революции заведующим в музей «Марьино» назначили местного учителя Хомутова. Жалованье ему писали по смете губоно и за ним Хомутов аккуратно, каждый месяц приезжал в Новгород. Но музейные власти Петрограда приписали Марьино к Строгановскому музею, в бывших Строгановских палатах на Невском проспекте, и новгородских музейных работников в Марьино не допускали.

Я побывал в Марьино летом 1926 г. Был там я на положении туриста, но на правах близкого знакомого заведующего музея осмотрел все достопримечательности этого уголка внимательно и подробно.

Собственного говоря, на музей Марьино тогда не походило. Не было там разграниченных отделов, этикеток и объявлений в залах. Были обставленные соответствующей мебелью разные комнаты, причем строгого порядка в этих комнатах вроде бы не замечалось. Получалось даже впечатление, как будто жильцы оставили помещение и куда-то вышли. Но все же некоторые из залов сохраняли положенный вид и обстановку. Такова была усадебная библиотека, обставленная старинными шкафами

с книгами на иностранных языках. Между шкафами на подставках, как это было принято, стояли бюсты древних философов, а посередине на столе в особом футляре помещался жезл наполеоновского маршала Даву, захваченного русскими войсками при отступлении французов из Москвы в кампанию 1812 г. (один из Строгановых был участником этой кампании).

Какой-либо особо ценной и редкой мебели в комнатах не было, не видно было по стенам картин и портретов. Думается, что все это вывезено в Строгановский музей в Петрограде. Но была там одна примечательная комната, на втором этаже. Небольшая по размерам, по стенам уютные креслица и стульчики и невысокие шкафчики красного дерева с закрытыми дверями. Похоже, что владельцем комнаты была женщина. Так потом и оказалось. Хомутов довольно сбивчиво рассказывал, что комната эта в прежнее время была чем-то вроде будуара или рабочей комнаты графини Строгановой, любимой фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги императора Александра I. Что мебель эта того времени и в шкафчиках хранятся письма императрицы к графине Строгановой. Хомутов раскрыл дверцу одного из шкафчиков, стоявших по стенам, и показал эти письма. Все они собраны были по годам и переплетены в изящные томики с сафьяновым верхом, каждый томик скреплен серебряным замочком с таким же ключиком. Вся работа — верх аккуратности и изящества. Письмами императрица и ее фрейлина-наперстница обменивались чуть ли не ежедневно. Надо полагать, что кроме обычных повседневных обстоятельств и мелочей тогдашней жизни в переписке этих двух женщин, стоявших на самой высокой ступени русского общества конца XVIII—начала XIX в., имелось немало и таких сведений, в которых говорилось о значительных событиях того времени и людях, участниках этих событий.

Потом Хомутов (так холодно величаю этого услужливого и добродушного человека, потому что забыл, к сожалению, его имя и отчество) достал откуда-то большую дубовую шкатулку с серебряными наугольниками, щелкнул внутренним замком и стал выкладывать на стол содержимое шкатулки. В ней хранились среди других предметов следующие: вязаная пуховая косынка собственной ручной работы императрицы Елизаветы Алексеевны, подарок ее любимой фрейлине; белые лайковые перчатки императрицы; на особом шитке — локон белокурых волос, перевязанных ленточкой; дамские шпильки для волос, прикрепленные на особой пластине. Все эти сувениры говорили о некоем культе императрицы Елизаветы Алексеевны, царившем в Марьино. Возможно, она сама навещала графиню в ее имении.

Тот же Хомутов сообщил мне, что в доме всех комнатных помещений насчитывается 102. Действительно, люди жили просторно. Только сколько нужно было заготовить топлива, чтобы обогреть такую махину! И то сказать, рабочих рук в старину было тоже много и притом даровых, крепостных.

После Строгановых, как было сказано выше, Марьиным владели Голицыны. Они были в родстве с Васильчиковыми, чье имение в Выбита находилось в бывшем Старорусском уезде той же Новгородской губернии. Помещики гостили друг у друга. Принять гостей в Марьине было куда. В жилой половине усадьбы внутренние помещения так и чередовались рядом: кабинет хозяина Голицына и рядом специальный

кабинет гостя князя Васильчикова, будуар хозяйки княгини Голицыной и рядом такой же, приготовленный для гостыи княгини Васильчиковой.

Жалею, что во время посещения Марьина в 1926 г. я не заглянул в часовню на усадебной территории. Может быть, там было что-либо примечательное: книги, церковные иконы, ризы и др.

ГУБМУЗЕЙ И СУДЬБА ОБЩЕСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ БИБЛИОТЕК В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

В Новгородской губернии, как и везде в других, в дореволюционные годы насчитывалось немало библиотечных собраний. Общественные библиотеки существовали во всех уездных городах. В самом Новгороде городская библиотека возникла одновременно с музеем еще в 60-е годы прошлого столетия. В библиотеке насчитывалось значительное количество книг, выписывались периодические издания. Находилась библиотека в специальном помещении в Златоустовской башне Новгородского кремля и имела установленный штат работников.

Кроме того, в Новгороде была еще другая общедоступная библиотека — Никитинская, работавшая на добровольных началах, да в здании архиерейского дома библиотека «Братства Святой Софии» снабжала желающих книгами церковного и религиозно-нравственного содержания. Значительные библиотеки имели средние учебные заведения: гимназии, мужская и женская, реальное училище, семинарии в Григорове и Антонове. Особенно следует отметить фундаментальную библиотеку Духовной семинарии, которая включала в себя бесценное книжное собрание новгородских владык XVIII столетия — Феофана Прокоповича, Стефана Калиновского и др.

Были библиотеки при церквях и монастырях. Они числились в церковных описях и были в местном пользовании. По губернии же книги имелись в любом, даже самом маленьком поместье. Точного учета им не было, да и не могло быть. разве что делалось упоминание при общем обзоре той или иной усадьбы.

В первое время после революции все это книжное собрание оказалось в положении довольно неопределенном. Исключение составляли библиотеки учебных заведений. На месте старых школ возникли новые со своими уставами и программами, и библиотеки естественно перешли к этим новым школам.

В монастырях тоже имелись книги. Они хранились обычно в ризницах и вносились в ризничные описи. Закрытые монастыри некоторое время существовали как приходские церкви, и книги оставались в них по-прежнему. При окончательной же ликвидации монастырей-приходов книги вместе со всем церковным имуществом должны были передаваться соответствующим учреждениям. Но было ли так или не было, теперь ответить на этот вопрос трудно. Думается, что многое все-таки в тогдашней суматохе и неразберихе было утеряно, исчезло безвозвратно. Каким-то чудом сохранилась вместе с архивом библиотека Вяжишского монастыря. Объясняется это, вероятнее всего, тем, что монастырь расположен в стороне от города и туда не навевывались за делом и без дела всякие начальственные лица. Кроме того, приход с Вяжищами существовал дольше других, так что сама ликвидация монастыря произошла в более или менее устойчивой обстановке. Этого нельзя сказать

о таких монастырях, как Юрьев и Хутынский, а также и женских монастырях Десятинном, Зверином и Деревяницах. Здесь потери разного рода церковных предметов, и в частности книг, наверняка имели место. То же самое следует сказать и о приходских церквях как в городах, так и по уездам.

Но определенно печальная участь постигла библиотеки, имевшиеся в помещичьих усадьбах бывшей Новгородской губернии. Этих усадеб было немало, и в каждой из них имелось, пусть небольшое, собрание книг и журналов. В течение 1917—1918 гг. помещики были выселены или сами покинули свои бывшие владения. Имуущество поместий было каким-то образом учтено и зарегистрировано тогдашними учреждениями, но, принимая во внимание первоначальную нечеткость и неустроенность этих учреждений, в сельской местности в особенности, а также случайный подбор их сотрудников в большинстве по деловым того времени преобразованиям и малокультурных, надо откровенно и прямо признать, что учет этот и регистрация были проведены наспех, с большими упущениями, а в отдельных случаях и с намеренными злоупотреблениями. В особенности при учете и регистрации таких предметов, как редкая старинная мебель, посуда фарфоровая и стеклянная, картины и книги. Трудно себе представить теперь, сколько в те полные тревоги и возбуждения годы разошлось неведомо куда и попало в какие руки предметов подлинного искусства и культуры. В Новгородской губернии были поместья, владельцы которых носили исторические фамилии: в Старорусском уезде — Васильчиковы (Выбити), в Крестецком — Храповицкие (Вагаино), в Боровичском — Горемыкины и Аничковы (Белое, Ждани, Зализенье), в Новгородском — Строгановы—Голицыны (Марьино). Известны были обширные книжные собрания в этих поместьях, но сведений о сохранности этих культурных богатств имеется немного. Так, библиотека в Марьино была полностью переведена в 20-е годы в Строгановский музей, существовавший тогда на Невском проспекте в Ленинграде. Библиотека имения Выбити также сохранилась и была поделена между Новгородским музеем и совхозом, образованным в бывшем имении. Библиотека в имении Белое (теперь Любытино) целиком сгорела во время пожара в начале 20-х годов. Какие-то остатки нашлись в Боровичском краеведческом музее от богатой, по-видимому, библиотеки А. И. Аничкова в имении Зализенье бывшего Боровичского уезда. Владелец его был другом известного художника дореволюционных годов О. Э. Браза, который бывал в Зализенье и даже нарисовал экслибрис для библиотеки имения, известный в библиографической и библиоведческой литературе.

Следует отметить также, что в конце 20-х годов при окончательном выселении из пределов губернии бывших владельцев поместий некоторым из них было разрешено вывести с собой в числе других предметов домашнего имущества и книги домашних библиотек. Так, владелец имения Малые Тербони бывшего Новгородского уезда М. В. Муравьев, общественный деятель и видный культурный работник, сохранил и вывез в Ленинград, где он поселился, значительную имевшуюся у него библиотеку, особо отличавшуюся наличием в ней большого количества местных краеведческих изданий. Другой пример: в Любанской волости Новгородского уезда в небольшой усадьбе Приволье проживал И. Ф. Тюменев, писатель, художник, коллекционер. Он имел большую библиотеку, широко известную среди книжников

старого Петербурга. В свое время, после смерти писателя Н. С. Лескова, он купил у родственников Лескова часть его библиотеки. У себя в Приволье И. Ф. Тюменев построил даже особое помещение для размещения библиотеки. Когда он переселился в Ленинград к сыну А. И. Тюменеву, известному ученому, академику, с ним переехала и его библиотека.

Неясна и даже загадочна судьба книжного собрания из музея Передольского в Новгороде. Книги там, несомненно, были даже редкие, но при ликвидации этого музея никаких книг в гос. учреждения передано не было. Возможно, что последний владелец музея, судившийся за сокрытие отдельных музейных предметов, так же поступил и с книгами, в особенности редкими и наиболее ценными.

Было ли у самого Губмузея книжное собрание? По всем признакам оно должно было быть. Действительно, книги были, но не в виде библиотеки, организованной со всеми ее признаками и функциями, а именно только собрание книг без текущего использования. Для того чтобы объяснить такое несколько странное положение с книжным собранием Губмузея, следует сказать, что Губмузей в 20-х годах имел такое довольно внушительное наименование, но на самом деле его штаты были более чем скромными. Достаточно сказать, что учреждение это вроде бы губернского масштаба не имело отдельной канцелярии со штатным работником, не было у него своего бухгалтера — за всеми этими делами нужно было обращаться к аппарату Губотдела народного образования, в составе которого числился Губмузей. Число сотрудников его, научных и одновременно канцелярских, было не более пяти. Не было, разумеется, и отдельной штатной должности библиотекаря. Между тем книги поступали, иногда значительными комплектами, но принимались они без учета и складывались в особое отведенное для них помещение. Это были две большие комнаты в Златоустовской башне кремля, в которых до революции размещалась городская библиотека. Помещение достаточное, сохранность книжных сокровищ была вполне обеспечена, но книги лежали мертвым грузом. Некому было их разбирать, систематизировать, составлять описи. Словом, это была не библиотека, а именно собрание, склад книг.

Для текущей работы сотрудников Губмузея использовалась небольшая библиотека бывшего Церковно-археологического общества, находившаяся в здании архиерейского дома в кремле.

Теперь пришло время сказать, какие же книжные фонды имелись в Губмузее, откуда они поступали и что представляли собой. Хочу предупредить, что буду говорить о более или менее значительных поступлениях книг.

Когда переводили в ГПБ в Ленинграде книжное собрание Феофана Прокоповича из фундаментальной библиотеки Новгородской семинарии, решено было оставить музею, который и хранил это ценное собрание, те книги, которые Публичной библиотеке в сущности были не нужны, а для музея были весьма необходимы. Это были комплекты исторических журналов, такие как «Исторический вестник», «Русская старина», «Русский архив». Все издания были прекрасной сохранности и в хороших переплетах. Были и другие книги такого же содержания.

При ликвидации музея быта в Выбита большая библиотека, находившаяся в усадьбе, была разделена между совхозом, открытым там, и Новгородским музеем. Последнему достались все издания по истории

и археологии и по истории искусства. Вторая половина библиотеки в имении Выбити тоже имела немалую ценность, так как в ней была подобрана богатая литература по вопросам сельского хозяйства и землевладения. Литература эта была как раз весьма необходима для тамошнего совхоза. Вместе с книгами, предназначенными для музея, ему же переданы были и сами шкафы, в которых эти книги размещались в усадьбе. Они весьмагодились для хранения книг в пристройке к Златоустовской башне.

Вторым значительным поступлением была передача музею книг из бывшей усадьбы М. В. Родзянко Топорок на Мсте близ Любытино. Основные земельные владения этого магната были расположены на юге, в Екатеринославщине. Здесь же, на Мсте, поблизости к Октябрьской, тогда Николаевской, ж. д. это была летняя дача, поэтому большого собрания книг в Топорке его хозяева не держали, но все же в числе перевезенных в музей книг было довольно значительное количество описаний путешествий в разные страны, на разные континенты. Все издания были на иностранных языках, в дорожных переплетах, многие с золотым обрезом. Все они оказались нетронутыми, настолько свежи и чисты были страницы во всех книгах. Бумага, переплет, иллюстрации — все было изящное, дорогое.

Небольшое поместье Трубников Бор было расположено недалеко от станции Чудово Николаевской ж. д. Владельцем его был князь Багратион-Мухранский. Из этого поместья в музей был доставлен в числе прочего имущества ряд книг и среди них 12 больших альбомов русских лубочных картин. Известный исследователь и коллекционер Д. А. Ровинский в свое время издал капитальный труд «Русские народные картинки» в 9 томах (4 тома с 1780 картинками и 5 томов объяснительного к ним текста). Но упоминаемые здесь альбомы из Трубникова Бора совсем другие: в них подобраны подлинные лубочные картины, раскрашенные и нераскрашенные. Располагались они в альбомах по определенному плану: народные сказки, поговорки и пословицы, отклики на исторические события, на церковные темы — виды монастырей, изображения икон, святых. Думается, альбомы эти составляли коллекцию лубков какого-либо из собирателей.

Большой интерес и значение имела библиотека новгородского архиепископа Арсения (Стадницкого), занимавшего новгородскую кафедру в предреволюционные годы. Ранее она помещалась в здании архиерейского дома в кремле. Когда в нем разместился музей древнерусского искусства, архиерейская библиотека, естественно, оказалась в ведении музея. Она размещалась в 12 напольных шкафах новой работы, видимо, специально заказанных для библиотеки. Книги в этой библиотеке разнообразного содержания, есть даже русская литературно-художественная классика. Интересы архиерея, очевидно, были широкими. В большинстве книги в переплетах, но многие просто в бумажных обложках. Есть книги с дарственными надписями. Особо ценными являются солидные труды по истории и археологии, гражданской и церковной. Архиепископ Арсений был доктором церковной истории, специалистом по истории молдаво-валахской и румынской церкви. Были в библиотеке и некоторые архивные материалы. Хранилась, например, большая пачка писем — переписка архиепископа Арсения с профессорами Московской духовной академии, ректором которой он был в начале своей служебной карьеры.

Были, помнится, и другие книжные фонды из бывших усадеб Новгородской губернии, менее значительные по количеству сохранившихся изданий и их значимости.

Судьба этого книжного богатства была печальная. Когда оставили Новгород в 1941 г., книжные коллекции исторического музея в Златоустовской башне, как и музейное собрание, достались немцам.

АРХИВЫ НОВГОРОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ЧАСТНЫХ ЛИЦ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

О них можно сказать то же самое, что и о книжных собраниях. Пока еще существовали старые учреждения, архивы их оставались на местах неприкосновенными. Но вот началась перестройка губернских и уездных учреждений, их переименование, и все это в обстановке спешки и не всегда продуманно. В этих условиях и архивные отделы учреждений как-то были затронуты. Хорошо еще, если в них оставались старые опытные работники, которые поддерживали установившийся порядок охраны и использования архивных дел.

С самого начала был учрежден особый орган для управления архивными делами — Губархив. Во главе его поставлен был М. В. Муравьев, бывший председатель общества любителей древностей, историк и в какой-то степени архивист. Была организована какая-то канцелярская обслуга нового учреждения, которой отвели помещение в доме на Дворцовой улице. Все эти меры были предварительного характера и не обозначали наступления периода перестройки архивного дела и научной разработки богатейших материалов новгородских архивов.

Кое-какие мероприятия в этом направлении все же следует отметить. Трудами М. В. Муравьева была разобрана часть архива Иверского монастыря в Валдае, оставшаяся там после того, как в свое время была описана и напечатана архимандритом Леонидом (Кавелиным) достойная половина актов этого монастыря. М. В. Муравьевым была сделана опись оставшимся документам, которые были переданы в центральные архивы.

В новгородском Историческом музее с давних времен хранился архив Грузинской вотчины графа А. А. Аракчеева. Вероятнее всего, он был вывезен из Грузина еще основателем музея Н. Г. Богословским, который много занимался историей Грузина. Архивные документы хранились в двух больших шкафах, вывезенных вместе с документами из Грузина. Наверху каждого из них была укреплена выточенная из дерева фигура орла без всяких атрибутов. В числе документов были дела хозяйственной переписки по состоянию построек в Грузине и соседних деревнях, составлявших вотчину Аракчеева, их ремонту и использованию. Особо важными являлись документы, касавшиеся имевшегося в Грузине Крестьянского банка, владевшего известными денежными фондами и возглавлявшегося выборными лицами из числа крестьян вотчины. Денежные операции проводились применительно к порядкам вообще банковских операций того времени. Банковская документация велась весьма тщательно и аккуратно и оформлена была с чисто «аракчеевской» точностью. Не только банковские, но и другие вотчинные документы имели на себе проверочные отметки самого Аракчеева.

Описи дел не было, поэтому зав. музеем С. М. Смирновым была составлена краткая предварительная опись делам Грузинской вотчины, и с этой описью в тех же шкафах архив был отправлен в центральное актохранилище. Кажется, тогда же было изъято из архива Новгородского окружного суда обширное дело по расследованию убийства в Грузии в 1825 г. экономки Аракчеева Настасьи Минкиной и тоже отправлено в Москву.

Вскоре, однако, архивные дела в Новгороде повернулись в сторону явно неблагоприятную. М. В. Муравьев был отставлен от должности и хозяином архивного управления какими-то невероятными путями становится темная личность, некто Александр Павлович Иванов, одновременно он же — заведующий Истпартком и музеем революции.

История карьеры этого человека вполне соответствовала тем смутным и тревожным дням, какие переживала провинциальная Россия сразу после наступившей революции 1917—1918 гг. Новгород же тех лет был именно типичной провинцией, хотя и располагался рядом со столицей. Этого самого Александра Павловича Иванова хорошо знали все в Новгороде. Был он послушником Юрьева монастыря и келейником настоятеля монастыря архимандрита Никодима. Часто появлялся в городе, носил обыкновенную монашескую одежду и имел прозвище «Пискун» за свой тонкий писклявый голос. Юрьев монастырь вскоре закрыли, а А. П. Иванов объявился в обличье партийного деятеля. Теперь монашескую рясу он сменил на кожаную куртку комиссара и кожаные высокие сапоги, а на голове у него уже была не монашеская бархатная скуфейка, а кожаная фуражка с красной звездой.

Как все это произошло и что потом случилось с новоявленным большевиком, будет сказано ниже, а пока остановимся на том, как он стал орудовать в новгородских архивах. Теперь трудно установить в подробностях, каким образом ведение архивами перешло к Иванову: видимо, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что он возглавлял тогдашний Истпарт. Известно, что история вообще сосредоточена в архивах, следовательно, Иванову туда должен быть открытым прямой ход. Но начал он свою работу совсем с другого конца. Вся его деятельность в архивах заключалась в том, что он стал отбирать в них то, что, по его мнению, следовало сохранить для потомков, а что подлежало немедленному изъятию и обращению в макулатуру. Так как этот весьма невзрачный по своему внешнему виду человек так же мало успевал и в своем культурном развитии, легко представить, что он натворил в архивах, какие невозвратные беды нанес он богатейшим собраниям исторических документов, с незапамятных времен сохранявшихся в губ. архивах. Некоторые из них следует упомянуть и перечислить отдельно. Это в первую очередь архив губернского правления и при нем строительный отдел, в котором были сосредоточены дела по строительству всей обширной губернии (до революции в ней состояло целых 11 уездов). Здесь в огромном количестве хранились карты, планы, чертежи, рисунки — словом, вся та ценная документация, которая сопровождала строительство зданий, дорог, мостов и всего того, что по закону требовало обязательного ремонта, разрешения и надзора. В подвальном помещении здания присутственных мест в кремле, в левой его половине, где размещалось губернское правление, было устроено специальное хранилище для этих важных документов.

В правой половине здания присутственных мест помещалась казенная палата и казначейство, финансово-экономические центры управления губернией, также имевшие свои обширные архивы.

По другую сторону кремля, напротив здания присутственных мест, вытянулось новое, открытое в 1912 г., здание епархиального дома. В центральной его части, в нижнем этаже помещался архив новгородской духовной консистории. Пожалуй, это был самый древний архив во всей тогдашней Новгородской губернии. Здесь были сосредоточены документы управления центральными делами, строительства церковных зданий на огромной территории, организации службы многочисленного церковного клира, а также регистрации и учета всего крещеного населения губернии, ведь тогда эта важная функция выполнялась церковными учреждениями. Помещение архива было устроено по последнему слову тогдашней спец. техники. Хранение и учет документов были на должной высоте.

Упомянутые архивы были самыми обширными и самыми ценными по важности собранных в них документов. И вот вопреки всяким требованиям и правилам, вопреки здравому смыслу началось повальное уничтожение архивных сокровищ. Огромными возами везли архивные документы на станцию железной дороги, грузили в вагоны и отправляли в качестве бумажной макулатуры на бумажные фабрики. Основным помощником Иванова по транспортировке этих грузов был некий житель Новгорода, сын мастера-шапочника Лазерсон. Не знаю, как и когда прекратилась эта варварская операция, но черное дело было сделано и новгородская история навсегда и безвозвратно лишилась своих основных корней.

Остается сказать о судьбе самого виновника всех этих поистине трагических событий. Каким-то образом выяснилось, что под именем послушника Юрьева монастыря Александра Иванова скрывался ренегат и предатель. Когда-то он находился в рядах революционных работников, но потом изменил делу, стал выдавать своих товарищей и, наконец, заметая следы, окопался в монастыре под видом послушника. Его судили. Суд не был гласным, так как слишком неприглядна была позиция и положение местных властей, просмотревших наглого проходимца и преступника. В конце концов Иванов оказался в концентрационном лагере в Соловках и дальнейшая его судьба неизвестна.

Архивное дело потом стало постепенно налаживаться. Управление архивом перевели в помещение б. Духова монастыря, где оно находится и в настоящее время. Первым более или менее подготовленным хранителем архивов был А. Е. Тихонов, а после войны дело это продолжал его брат Ф. Е. Тихонов.

ГУБМУЗЕЙ И ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Кампания эта широко прокатилась по всей стране. Ее необходимость мотивировалась тем, что требовались, дескать, большие средства для помощи голодающему населению Поволжья. Но, кажется, дело было в другом. Средства, действительно, были нужны и средства большие, и нужны они были не столько для того, чтобы помочь голодающим — для этого как-нибудь обошлись бы и без церковных ценностей, — сколько для того, чтобы собрать драгоценный металл для закупки у

западных капиталистических государств машин, без которых немислимы были возрождение и реконструкция нашей промышленности.

Вначале не знали, как подойти к этому все же необычному делу. Раздавались даже голоса, не сделать ли общее обращение к коллективам верующих с тем, чтобы они добровольно пожертвовали часть своих сокровищ на помощь голодающим. На голод не забывали напирать, чтобы все прошло благовидным путем. Но потом власти перестали стесняться и началась самая обыкновенная реквизиция предметов, изготовленных из драгоценных металлов и находившихся в употреблении в церковной утвари и обстановке приходских и монастырских храмов. С точки зрения чисто правовой вопрос был весьма спорный. Ведь все, что находилось в церквях, было дарственным, все пришло, как говорится, от доброхотных дателей. Или если не дарилось, то приобреталось на те суммы, которые по копейкам собирались с прихожан церкви. Все это на том же выразительном «народном» языке было — «мирское даяние». Но прямолинейное и неуклонное начальственное право восторжествовало над всеми другими соображениями.

Была еще и другая сторона дела, чисто моральная. Мало того что отнимали дар, принесенный от всего сердца, какой-нибудь оклад на икону с камешками из материнского наследства, но этот оклад тут же в церкви, на глазах у всех, отдирали с иконы и бросали в общую кучу собранного металла. Слез было много, и пословица говорит: «Москва слезам не верит». Так и здесь, проявление начала власти было неуклонным и бездумным.

Не знаю, как обстояло дело с изъятием церковных ценностей вообще по губерниям, но хорошо помню и представляю, как оно проходило в самом Новгороде. Была образована специальная комиссия, в которую вошли представители от губернских властей и общественных организаций. Решено было изъять из церквей предметы из ценных металлов и другие украшения, которые являются поздними по времени и не имеют исторической и историко-художественной ценности. В комиссию поэтому были введены представители от Губмузея. Помню членов комиссии от Губисполкома: М. В. Росляков, потом перешедший на работу в Ленинград, ставший известным литератором; забылись, к сожалению, имена двух других членов Губисполкома в той же комиссии, видно, из числа деревенских работников, людей скромных и внимательных. Все они при исполнении своих обязанностей как члены комиссии были всегда вежливы, осторожны и внушали к себе доверие со стороны масс верующего населения.

Мне лично пришлось быть представителем Губмузея при изъятии ценностей в Знаменском соборе г. Новгорода. Помню, прибыли туда всей комиссией. Нас уже ждали. На месте были члены причта собора и коллектива верующих. Чувствовалось общее напряжение, но все обошлось без особых потрясений. Губмузей заранее составил список ценных предметов из числа собранной утвари, не подлежащих изъятию. Возражений со стороны других членов комиссии не было, и все прошло согласованно. Пошли в дело на переплавку громоздкие серебряные оклады икон в нижнем ряду соборного иконостаса. Все они были изготовлены уже в XIX в., поэтому считались малоценными в историческом отношении. Но вот драгоценная икона, вернее, оклад на чтимой новгородской иконе «Знамения» мог бы избежать изъятия. Он тоже был сравнительно новый, а именно 70-х годов прошлого

столетия, высокой художественной работы, украшенный драгоценными камнями. Но он был золотой, самой высокой пробы, и камни на нем чистой воды, так что вопрос был ясен — «подлежит изъятию в Помгол».

Оставляли в необходимом количестве сосуды для причащения во время церковных служб и некоторые другие предметы. Но вот непонятно, почему всю эту процедуру изъятия не провели более осторожным и деликатным способом? Почему сдирали на глазах прихожан оклады с икон, складывали груды их на пол, а потом на подводе везли по улице? Все это было не нужно, грубо и оскорбительно. Навсегда запомнилось мне, как после окончания всей этой тягостной процедуры, когда ушли члены комиссии, уехали подводы с церковным добром, настоятель собора протоиерей П. Беляев уселся на приступочку под ободраным иконостасом и горько заплакал...

Вообще подходя к вопросу разумно и по-деловому, можно пожалеть, что при проведении всей этой кампании «изъятия» утрачено было огромное количество весьма ценных для науки и искусства предметов. Рассуждали так: вещь XVIII в., а тем более XIX в., стало быть, можно ее и не хранить, а сдать в лом, обратить в кусок металла, а между тем многие из этих предметов имели историческое происхождение и были образцами высокохудожественной работы. Не сохранили, к примеру, серебряный оклад главного престола Софийского собора, не оставили для образца ни одной раки в том же соборе, а все они вышли из известной художественной мастерской Верховцева в Петербурге. Поражал всех вес серебра в каждой раке, около 6 пудов! Вот это довод, а художество, что оно такое?

В Новгороде, где жители в общем-то были старозаветного духа, изъятие церковных ценностей прошло спокойно. Разговоров, конечно, было много, много было и недовольства, но все это через край не пролилось. Может быть, причиной тому была разумная политика местных властей, которые сумели провести дело с соблюдением известного такта и осторожности. Выше говорилось, что в комиссию по проведению изъятия вошли в качестве членов представители Губисполкома, показавшие себя не только людьми долга, но и сторонниками бережного отношения к чувству человека, внимания к нему. В газетах не писалось ничего по этому вопросу, но ходили достоверные слухи, что в ряде городов нашей страны были столкновения местного населения, резко протестовавшего против ограбления храмов. В частности, такие столкновения имели место в Петрограде, где даже проводился судебный процесс по делу сопротивления властям при изъятии церковных ценностей и где по приговору суда даже были расстреляны несколько человек из числа мирян и духовенства, в том числе глава епархии, митрополит Вениамин.

ЗАКРЫТИЕ ПРИХОДСКИХ И МОНАСТЫРСКИХ ЦЕРКВЕЙ

Происходило оно как массовая кампания в начале 30-х годов. Проходило без согласования с приходскими коллективами, в обязательном порядке и без лишних формальностей. В сельских местностях обычно совпадало с периодом образования колхозов. При этом вместе с так называемыми кулаками подвергались выселению и священники мест-

ных церквей. Попа не стало, не нужна и церковь — формула простая и исчерпывающая. Официально полагалось имущество каждой церкви переписать и оформить актом, используя его сообразно с обстановкой на местные нужды. На местах большею частью правило это не соблюдалось. Не было фактической возможности установить контроль в каждом отдельном случае, и поэтому зачастую многое из церковного имущества попросту разбазаривалось и расхищалось. Между тем в числе этого имущества, несомненно, могли быть и ценные предметы: старинные иконы, ценные вещи из церковной утвари. Легко себе представить, сколько в эти годы могло быть навсегда утеряно редких памятников истории и искусства.

В городах, в том числе и в Новгороде, обстановка была несколько иная, но все же были в ней моменты, присущие тогдашнему, во многом тревожному времени. Священники и вообще члены церковного причта каким-то незаметным образом отнюдь не по своей воле исчезали куда-то, при закрытии церквей не присутствовали и в официальных документах имена их не значились. Делалось все, словно торопливо, только бы скорее и незаметно покончить со всем, и поэтому, легко понять, вполне могли быть, и они действительно были, ошибки и недосмотры при регистрации и учете имущества церквей, подлежащих закрытию.

Я присутствовал в качестве представителя Губмузея в двух комиссиях по закрытию церквей в Новгороде: Савво-Вишерском монастыре и в Спасо-Преображенской церкви, близ Знаменского собора. Вот что осталось в памяти от участия в этих кампаниях.

1. Савво-Вишерский монастырь, получивший свое наименование от имени своего основателя Саввы из тверских бояр (XV в.) и расположенный на р. Вишере, притоке Малого Волховца, не был богатым и многочисленным по количеству своей братии. Располагал он известным количеством земли и жил довольно значительным сельским хозяйством. После революции на месте монастыря образовался приход в составе крестьян деревни Губарево, соседней с монастырем и издревле ему принадлежавшей.

Комиссию в Савине (как в просторечьи звали монастырь, а потом и совхоз на его месте) уже ждали. Налицо были представители церковного коллектива — трое крестьян из деревни. Возглавлял комиссию сотрудник НКВД, латыш, говоривший с сильным акцентом. Это был человек невзрачного вида, рыжеватый, с маленькими глазками и усиками, но самоуверенный и очень кичащийся своей властью. В каком-то из монастырских помещений он коротко и отрывисто объявил, что церкви в монастыре закрыты и богослужение в них прекращается. Все перешли потом в соборный храм Вознесения и уполномоченный без лишних слов предложил приказным тоном разбирать престолы в соборном алтаре и соседнем с ним алтаре придела. Нужно отдать должное смелости простых мужиков и их чувству собственного достоинства. Они наотрез отказались «ломать своими руками» престолы, заявив, что делать это запрещает им их вера. Тогда за дело принялся сам уполномоченный со своими напарниками, прибывшими с ним в Савино. Они действовали решительно и уверенно; срывали облачения с престолов, опрокидывали их с постаментов, стаскивали в груды предметы церковной утвари, снимали со стен иконы, и т. д.

«Ломать престолы...». Почему-то с этой довольно несложной и простой, но отзывающей чем-то разбойничьим операции начиналась про-

цедура закрытия церквей и службы в них. Можно было и не ломать ничего, а по-хозяйски все разобрать и распределить, что и куда. Те же престолы, аккуратно снять с них одежду, а деревянные остовы разобрать на отдельные доски и планки. Они хорошо пошли бы в дело, тем более что дерево там было тщательно подобрано и даже дорогих пород. И все другое следовало бы тщательно рассортировать и разумно использовать все эти нередко дорогие материалы.

Запомнилась картина. В придельной с собором церкви стояла гробница Саввы Вишерского. Это было надгробие, без мошей, огражденное решеткой под балдахином. Во всем этом сооружении было немало ценных составных частей из дерева и металла, и нужно было разобрать их умело и терпеливо. Вместо этого людей тянуло именно — ломать и рушить. Запомнилась фигура уполномоченного, который железной палкой пытался сломать одну из боковых упор балдахина над ракой надгробия. Мелькнуло перед глазами и забылось, дальнейшего не видел.

Печальную картину представлял общий вид монастырских церквей сразу после операции их закрытия: пустые ободранные стены, гряда всякого рода вещей и предметов в целом виде, полуразобранных и просто разбитых. Среди этого развала бродят какие-то люди, в чем-то копаются, чего-то ищут... В противовес этому из глубин истории выступают другие картины — конец XVII в. Савина пустынь пришла в полное запустение. Разошлись кто куда монахи. Осталась одна бедная церковка. И вот явились сюда два гвардейских офицера Аничков и Глазатов, в монашестве Иоасаф и Варлаам. Они дали обет восстановить пустынь. Пожертвовали на это свое личное имущество и добились цели. Пустынь снова стала жить. Монахи Иоасаф и Варлаам один за другим стояли во главе монастыря и после смерти были похоронены в соборной церкви, один у правой стены, другой у левой. В стенах над их могилами вделали каменные доски с надписями. Две противоположности: в одно время строили и возобновляли забытое, истлевшее; в другое время столь же усердно разрушали восстановленное.

Это был XVIII в. В начале XIX в. поблизости от Савина монастыря поселился граф М. М. Сперанский, купивший здесь загородную усадьбу, названную «Великополье». Глубоко религиозный человек, по праздникам он приезжал в монастырь к обедне. В каком-то журнале была помещена незамысловатая картинка неизвестного художника «Граф Сперанский за службой в Савином монастыре». На ней М. М. Сперанский стоит на левом клиросе, кругом молящиеся. Все же он был граф и вельможа и не смешивался с толпой. И вот теперь под теми же сводами иные люди, с другими мыслями и настроениями.

Основатель монастыря Савва (XV в.) был из тверского боярства, зачинатель которого именовался просто Борозда. От него происходил в более позднюю эпоху дворянский род Бороздиных. Представители его, большей частью военные люди, значатся в документах и хрониках XVII—XIX вв. Некоторые из них, чтя память своего святого предка, завещали похоронить себя в Савином монастыре. В паперти Вознесенского собора монастыря по стенам висели бронзовые доски с надписями о том, что здесь погребены Бороздины с чинами генерал-аншефов, генерал-поручиков и пр. Сколько веры было у мертвых и радости у живых, привозивших дорогих своих покойных в далекий новгородский монастырь. И вот теперь по плитам этих могил слышны тяжелые бесцеремонные шаги равнодушных и грубых людей. Эти же люди тоже

равнодушно сорвут со стен похоронные доски, которыми обозначались места захоронения именитых граждан из рода Бороздиных.

2. Церковь Спаса Преображения на Ильине. Знаменитая своими фресками Феофана Грека. Тогда еще существовали колокольня и другая, теплая церковь между колокольной и основным древним храмом. Собственно речь шла о закрытии именно этой, служебной, церкви, так как основной храм с фресковой росписью переходил в ведение музея.

Особых ценностей в церкви не было, само помещение ее было сравнительно невелико, поэтому вся процедура закрытия продолжалась считанные часы. Никто и ничего как будто не ломал и не грозил. Не помню, кто представлял коллектив церкви, но священника, как и в других аналогичных случаях, не было.

Уполномоченным НКВД здесь был поджарый и суетливый человек с незапоминающимся лицом. Он, быстро поворачиваясь, бегал по всей церкви, открывал и закрывал шкафы, в которых хранились облачения, совал нос во все углы. Создавалось впечатление, что человек этот церковную обстановку знает не понаслышке и от него ничто здесь не укроется. Действительно, потом мне рассказал А. В. Никифировский, сотрудник Музея древнерусского искусства, что это был такой-то (фамилию я забыл), он ранее был певчим в хоре Софийского собора и церковные порядки знал хорошо. Так вот человек этот открыл, бегая по церкви, какой-то ящик, извлек из него жестяную плоскую коробочку, нашел там какие-то сероватые комочки вроде крошек, все это с какой-то злостью разбросал по полу и громко произнес «Тело Христо-во!», сопроводив эти два слова гнусным матерным ругательством. Оказывается, он выкопал где-то дарохранильницу с так называемыми «запасными дарами», приготавливаемыми по особому чину заранее, на запас, для причащения больных в экстренных случаях. Все это он знал, видел когда-то, но откуда эта злоба и ненависть у бывшего церковного певчего, а потом сотрудника НКВД?

Все прошло, все хлопоты и волнения, на всем печать забвения. По-прежнему высится храм Спаса на Ильине. Стоит он, как говорили в старину, «без пения», но зато стоит он теперь не просто на улице, а на площади, как стали называть это место, и имя ей дали официально «Знаменская». Парадокс наших дней. Впервые дается объекту наименование, заимствованное явно из церковного обихода. И дается это наименование по почину и предложению новгородского архитектора Кушнера, еврея по национальности.

10. 03. 1985 г.

НОВГОРОДСКАЯ СОФИЯ — АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ МУЗЕЙ

Некоторое время новгородский Софийский собор имел такое специальное назначение и носил поэтому соответствующее этому назначению официальное наименование. Происходило это в 1929 г., когда распоряжением властей собор был закрыт для совершения богослужений и возникла мысль об использовании собора в качестве антирелигиозного музея. Ни в коем случае это не была попытка и намерение создать в знаменитом историческом памятнике некое научное учреждение наподобие Музея истории религии и атеизма в Казанском соборе в Петрограде. В Новгороде тех лет для осуществления подобного про-

екта не существовало ни людей, ни необходимых материальных средств. Вся затея исходила из кругов так называемых воинствующих безбожников, которым не по нутру были все тогдашние изыскания и открытия в области древнерусского искусства и которые ратовали за скорейшее разоблачение и ниспровержение всех вообще памятников, которые, по их мнению, приносили несомненный вред, способствуя распространению «опиума для народа». Что все это происходило именно таким путем, говорит дальнейшее развитие событий вокруг Софийского собора. Разработка детального плана музейного устройства Софийского собора после прекращения в нем церковных служб была едва ли по силам новгородскому Губмузею в тогдашнем его составе да и не «по чину», как говорится, учитывая особое значение Софийского собора в Новгороде как памятника всероссийского. Обязательно требовались указание и руководство со стороны направляющих музейных центров Москвы или Ленинграда, как это делалось всегда в подобных случаях. Но ничего подобного организовывать и не пришлось, так как в один прекрасный день в Губмузей явился человек и предъявил бумагу за подписью и с печатями, удостоверяющую, что он назначается зав. новгородским антирелигиозным музеем, бывшим Софийским собором.

Любопытнейшая история, если бы можно было установить в ней концы: в каких инстанциях, кто и когда решил этот вопрос, где нашли человека, которому верили дело превращения Софийского собора в очаг антирелигиозной работы. Думается, все делалось наспех, без всякой предварительной подготовки, без сношения с соответствующими вышестоящими инстанциями. Ведь новгородский собор стоял в числе первоклассных историко-художественных памятников и всякое начинание каких-либо работ в нем требовало разрешения со стороны компетентных органов. Теперь раскрыть это дело за отсутствием подробных архивных данных едва ли возможно, да оно в сущности и не нужно, так как все эти «мероприятия» по собору были кратковременными и, к счастью, не принесли сколько-нибудь заметного вреда ни его устройству, ни его дальнейшей деятельности в качестве памятника древнерусской архитектуры и искусства.

Внешний вид новоназначенного зава: его лицо, рост, походка, манера речи, одежда — ничего этого в памяти не сохранилось. Вероятно, он подвизался на роли безбожника в одном из клубов, обладал скудным образованием. Был в последнем градусе чахотки и скоро умер, так и не успев развернуть свои способности по развертыванию антирелигиозной работы в Софийском соборе. Но начало этой работы, видимо, его открытиями было положено и состояло оно в том, что уже не помню, какого числа и месяца, но, видимо, в том же 1929 г. в Софийском соборе был проведен городской митинг с оповещением граждан города о том, что отныне «очаг тьмы и мракобесия превращается в постоянно действующий очаг истинной культуры и просвещения». Все ничего, с терминологией можно было бы как-нибудь примириться, но вот со всей внешней обстановкой всего того, что в этот день происходило в Софийском соборе, хотя в какой-то малейшей степени примириться никак было нельзя. Грубая толпа людей, в шапках, с беспорядочными и тоже грубыми возгласами, почти криками, мятущаяся и слоняющаяся между колонн собора, потом самый митинг с его речами и выступлениями и выпадами против своих идейных противников, наконец, этот оглушительный звук труб неслаженного духового оркестра,

играющего невесть что, лишь бы было громко — все это производило впечатление какого-то кошмара, чего-то дикого, чего никогда еще не видели и не слышали древние стены прославленного в веках собора, с суровым ликом Пантократора в главном куполе.

Больше новых назначений со стороны в Софийский собор не было, но статус собора как антирелигиозного музея все же оставался. Кстати, явилась возможность выделить человека на заведование этим музеем из числа сотрудников самого Губмузея. Им и стал Василий Степанович Пономарев, к тому времени окончивший курс Ленинградского университета и подавший заявление о желании работать на пользу новгородских древностей.

По всем данным, В. С. Пономарев как будто подходил к своей должности. Безрелигиозный по натуре и воспитанию да еще с высшим образованием, теоретически он вполне мог поставить и развернуть работу применительно к новому назначению собора. Но это был человек своеобразный, продукт тех лет, не оставивший после себя в Новгороде сколько-нибудь заметного воспоминания. Знаний у него в области музейного дела и вообще истории было мало. Дело обычное, он не успел их накопить в то особенное, переходное время. У него, собственно говоря, в Новгороде не было настоящей оседлости. Надежда Васильевна еще задолго до революции вышла замуж за судейского чиновника Пономарева и жила на Урале в городе Невьяне. Там и родился В. С. Пономарев. После смерти мужа Надежда Васильевна вместе с сыном, тогда начинающим обучение в школе, переселяется в Новгород. Неизвестно, чем и как жили переселенцы в Новгороде, но их приютила сестра Надежды Васильевны, Ольга Васильевна Передольская, известный в Новгороде врач, не имевшая своей семьи, но занимающая отдельную квартиру на одной из улиц Софийской стороны города. Здесь и рос Василий Сергеевич Пономарев, а когда вскоре умерла его болезненная мать, он и всецело оказался на попечении своей тетушки, женщины доброй и внимательной. Нужно к этому добавить, что в это же время в Новгороде жила в старом своем доме семья брата сестер Передольских, Владимира Васильевича Передольского, владельца музея Передольского, но по каким-то причинам семейного свойства эти две семьи, происходившие из одного корня, общего между собой не имели.

В. С. Пономарев в своем новом звании что-то пытался сделать, но особого нажима на работу не обнаруживал и явных успехов от ее выполнения не имел. Велись какие-то экскурсии по собору с обязательным демонстрированием мошей, оставленных в открытых раках (старых, обитых парчой, в которые моши были переложены сразу после изъятия серебряных рак), с неременным упором на обман церковников, вводивших в заблуждение верующих о мнимой нетленности тел святых, почитавшихся в качестве мошей. В связи с этим следует рассказать об одном курьезном факте, имевшем место в самом начале деятельности В. С. Пономарева в соборе и самым непосредственным образом связанным с практикой ведения бесед в соборе о тленности мошей. Но будем говорить по порядку.

В один прекрасный день в местной газете появилась заметка о том, что в селе Малкошеве на Мсте, повыше Бронницы, неизвестными на кладбище был вскрыт склеп и в нем оказался гроб, в котором удивительно сохранился похороненный в нем человек вместе с одеждой и прочими подробностями погребального ритуала. Позднее было установ-

лено, что захоронение принадлежало одному из семи местных помещиков, время не определено.

Заведующий Софийским собором В. С. Пономарев задумался, соображая: «мумифицированный труп... в соборе тоже такие же экспонаты... может быть, можно что-либо сопоставить, сравнить и внести нечто новое в область научно-атеистической пропаганды...». Ход мыслей у нашего героя был примерно таков. Может быть, он вспомнил о «мар-тышкинских мумиях» под Ленинградом, о которых тогда писали и говорили. Одним словом, родилась еще одна, в сущности нелепая мысль: использовать обнаруженное в Малкошеве погребение, включив его в общую демонстрацию мощей Софийского собора. Сказано — сделано. В. С. Пономарев отправляется в Малкошево и, заранее получив всякие официальные разрешения, забирает на кладбище гроб с содержащимся в нем трупом и везет его в Новгород. Потом он рассказывал, как он нанял на месте лодку и проводника из местных жителей, как погрузили свою необычную поклажу в лодку и довольно долго путались с ней сначала по Мсте, а потом по Сиверсову каналу и Волхову. Картинка получалась довольно жуткая. Но как бы то ни было, груз был доставлен в Новгород, и его временно пока поместили в алтаре собора, в отделении жертвенника.

Собственно говоря, никто не знал, что делать с этим новоприобретенным сокровищем. Нелепость сделанного была очевидна. Ко всему прочему труп стал заметно разлагаться и встала крайняя необходимость убрать его из собора. Уж не знаю как, когда и куда удалось Пономареву спровадить «малкошевские мощи», но вся затеянная неумная история тем и кончилась. Справедливости ради следует заметить, что В. С. Пономарев действовал в этом случае обособленно, но особенно советуясь со своими сотрудниками по Губмузею, у которых поэтому и не было желания вмешиваться во всю эту сомнительную и в буквальном смысле дурнопахнущую историю. Наоборот, все, и даже, кажется, сам виновник всей истории, были рады, что все кончилось благополучно.

В дальнейшем Софийский собор существовал как музей скорее общего типа, нежели со специальными антирелигиозными функциями. Не было к нему ни планов, ни людей подготовленных.

30. 03. 1985 г.

МУЗЕИ, ВОЗНИКШИЕ ПОСЛЕ 1917 г. НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

В послереволюционные годы в пределах Новгородской губернии образовалось несколько музеев общего типа. Возникли они, можно сказать, стихийно, на подъеме общей волны, вызванного революцией оживления политической и культурной жизни страны. Экспонатами для таких музеев на первых порах служили главным образом предметы, оставшиеся после ликвидации помещичьих имений, — мебель, посуда, картины, вещи домашнего обихода, а также закрытых монастырей и церквей — иконы, предметы обстановки для совершения богослужения и т. п. Естественно, они устраивались в городах, где имелись соответствующие помещения и были кадры людей, из которых вербовались подходящие работники для обслуживания музеев. Были они из учителей или из числа служащих тех или иных учреждений. О надлежащей ква-

лификации таких работников в то время, понятно, говорить не приходилось, как не могло быть и речи о строгих правилах по выбору, показу и размещению самих экспонатов новоучрежденных музеев. Лишь постепенно все эти дела упорядочились и пришли в более или менее стройную систему.

Писать первоначальную историю новгородских провинциальных музеев сейчас трудно, даже невозможно. Забылись имена первых музейных работников. Едва ли можно представить себе, как выглядели музейные экспонаты и их расположение. Да они и не дошли до нас — эти первые музейные коллекции. Многие с тех пор утеряно, расхищено по причине небрежного хранения. Особые потери принесла минувшая война, когда большинство экспонатов бесследно погибло. Но все же необходимо в какой-то мере восстановить картину возникновения первых очагов музееведения на нашей новгородской земле, вспомнить первых тружеников в этом нужном деле и попытаться хотя бы в самых общих чертах представить себе, какие ценности были собраны в этих хранилищах, что из них, может быть, сохранилось до сих пор, а что погибло бесследно.

Музей в Старой Руссе

Надо с самого начала оговориться: речь идет о музее краеведческом, но не о музее Ф. М. Достоевского, о котором речь особая.

Музей краеведения на первых порах своего существования занимал верхний этаж каменного купеческого дома на улице, ведущей от железнодорожного вокзала к мосту через р. Полисть, почти в самом конце улицы, с левой ее стороны у реки. Помещение просторное и чистое. Видимо, это были жилые комнаты купеческой семьи, под которыми в нижнем этаже располагались торговые помещения.

Заведующей музея ряд лет состояла Мария Васильевна Васильева. Кажется, она была из учителей. Родом Мария Васильевна происходила из села Налючи на р. Поле б. Старорусского уезда. В этом большом торговом селе до самой революции сохранялось барское поместье, принадлежавшее в начале прошлого века графу Стройновскому, вдова которого, выйдя замуж вторым браком за служилого дворянина Зурова, принесла ему поместье в качестве приданого. Впоследствии Елпидифор Антихович Зуров служил военным губернатором в Новгороде. Это при нем отбывал ссылку в Новгороде А. И. Герцен. Выйдя в отставку, Зуров с семьей все время жил в Налюче, как иногда называют село, или Налючах, произносят иногда и так.

Мария Васильевна Васильева совершила большое культурное дело, почти подвиг в то время. Она спасла от разграбления все ценное, что было в имении, и перевезла его в Старую Руссу, где предметы из зуровского достояния и стали первыми экспонатами Старорусского музея.

Теперь я уже не помню в подробностях всю обстановку музея, в котором бывал два раза, но в общих чертах представляю, что это были предметы обстановки — мебель, посуда и прочее, а главное, бросились в глаза большого размера портреты семьи Стройновских-Зуровых. Портреты были писаны маслом на холсте. Кто был их автор, осталось неизвестным, но, кажется, это была работа домашних мастеров и не блистала совершенством.

Постепенно музей в Старой Руссе пополнялся другими предметами, поступившими в него из разных учреждений, учебных заведений и от

частных лиц. Были вещи из некоторых церквей города и уезда, хотя основная масса подобных предметов поступила в музей уже в годы повального закрытия культовых учреждений. Но тогда М. В. Васильевой уже не было в музее, и сам он был переведен в здание закрытого для богослужений городского собора (Воскресенского).

Коллекции Старорусского музея целиком погибли в годы войны 1941—1945 гг. По количеству они были значительны, но едва ли подвергались тщательному обследованию и отбору. Этому мешало само время, тревожное и непостоянное, когда работники музея часто менялись, иногда среди них попадались люди случайные и малосведущие. Во всяком случае приходится жалеть, что не сохранилось то, что было накоплено в музее. Среди его экспонатов могли быть вещи ценные, заслуживающие большого внимания. Старорусский край был областью весьма важной в истории нашего государства и имел на своей территории немало памятников прошлого.

Музей в Валдае

История Валдайского музея — его возникновение и первые годы существования — могла быть налажена и к этому были благоприятствующие обстоятельства. Заключались они в том, что в середине 20-х годов в Валдайском уездном отделе народного образования работали мои товарищи по Новгородской духовной семинарии, а именно: заведующий — Константин Дмитриевич Митропольский, его помощник (соцвос, иначе — школьный отдел) — Николай Витальевич Устрецкий. Казалось бы, при содействии этих лиц можно было бы узнать, как зарождается музейное дело в Валдае и даже помочь ему, но на деле вышло, что, как говорится, по независящим обстоятельствам все пошло по иному пути, и история Валдайского музея в начальной его стадии малоизвестна. Можно только наметить некоторые ее черты.

Франц... Не имя, а фамилия. Учитель, на которого были возложены вначале музейные дела. Для музея было отведено помещение в доме, где имел квартиру и сам Франц, в центре города, во втором этаже каменного здания, под аптекой.

В Валдае история всегда связывалась с историей знаменитого монастыря, основанного в XVII в. патриархом Никоном на островах Валдайского оз. Музей поэтому мог, естественно, рассчитывать как на свой основополагающий фонд, так и на те исторические ценности, которые хранились в монастыре. Решено было перевезти эти ценности из монастыря в город, в помещение, отведенное для музея. Решение это было ошибочным, так как оно не способствовало сохранению в целостности музейных экспонатов Иверского монастыря, а, наоборот, было причиной утраты некоторых из них. Видимо, заведующий музеем Франц то ли был несведущим в этом деле человеком, то ли попросту небрежничал в должности, но дело явно не ладилось у него. Лесничий новгородского лесничества, расположенного в селе Новотроицком, в 20 км от Валдая, Владимир Николаевич Банзизин рассказал мне, что он в 20-е годы лично передал музею ряд материалов из бывшего помещичьего имения, в котором располагалось лесничество, в том числе старинные планы, рисунки, разного рода хозяйственные бумаги и документы, но потом всего этого в имуществе музея не оказалось.

В какое-то время Франц не то умер, не то выбыл в другой город и около музейных дел оказался некий Вебс, по должности и профессии — работник лесного ведомства или агроном. Делалось это, по-видимому, в порядке совместительства по работе, и пользы от такого порядка для налаживания музейных дел было, разумеется, мало. Период этого, можно сказать, смутного времени в истории Валдайского музея, окончился в конце 20-х—начале 30-х годов, когда зав. музея был назначен учитель одной из школ г. Валдая Василий Иванович Успенский.

Новый заведующий вел большую краеведческую работу в школах, и музей при нем получил характер типичного краеведческого хранилища. В нем не было каких-либо выдающихся и особо знаменитых экспонатов, преобладали всякого рода таблицы, диаграммы, фотоснимки, словом, те материалы, которые можно было найти в те годы в любом подобном музее провинциального типа.

Материальными средствами более или менее достаточными Валдайский музей не располагал. В. Н. Успенский в сущности был единственным штатным работником музея. Он не был по образованию историком, и поэтому историческая часть в музее была представлена мало. В годы войны Валдай опустел, стал прифронтовым городом. Прекратилась и музейная работа, частично утеряно и музейное имущество. В послевоенные годы происходила реорганизация музейного дела в области и Валдайский музей как таковой был ликвидирован, а его экспонаты были переданы Новгородскому и Боровичскому музеям. Тот же В. Н. Успенский собрал кое-какие остатки от бывшего музея и организовал краеведческую комнату, приютившуюся при одном из районных учреждений. Преданный своему делу, честный и усердный труженик, он скончался в 1971 г. Уже после его смерти Валдайский музей открылся вновь, на этот раз в качестве филиала Новгородского музея-заповедника, в помещении бывшей Екатерининской церкви, построенной в конце XVIII в. по проекту Н. А. Львова.

Музей в Малой Вишере

О нем можно сказать, что в 20-е годы в Малой Вишере начинало что-то образовываться вроде собрания каких-то материалов местнокраеведческого характера. Был даже человек, который начал хлопоты по этому делу. Это был некто Гординец. Фамилию я запомнил, а вот имя и отчество забылись. Скорее всего, это был учитель, а может быть, агроном и музейная инициатива для него была делом попутным. Гординец бывал в Новгороде, заходил в Губмузей; о чем-то хлопотал, что-то рассказывал, но, видимо, на месте дела складывались не очень успешно, и речь об открытии официальной музейной единицы в Малой Вишере не поднималась, тем более что сама М. Вишера в те годы была только растущим поселком и именовалась посадом, статус же города получила несколько позже.

Материалы для организации музея в М. Вишере в 20-е годы можно было бы получить в достаточном количестве из бывших дворянских имений, расположенных в этих местах по линии Октябрьской, б. Николаевской, железной дороги. Но настоящего обследования эти имения тогда не имели, и поэтому предполагаемые экспонаты для музея не состоялись.

Музей в г. Боровичи

Когда возник Боровичский музей, определить затрудняюсь. Дело в том, что тесных связей с Боровичами у Губмузея на первых порах его деятельности не было, не увеличились эти связи и в дальнейшем. Мешала этому и относительная удаленность Боровичей от Новгорода. Во всяком случае несомненно, что уже с первых лет революции местные работники начали собирать предметы истории и искусства, тем более что в бывшем Боровичском уезде, пожалуй, по сравнению с другими уездами Новгородской губернии имелось большое количество объектов, где эти предметы могли быть, имею в виду помещичьи усадьбы, приходские церкви. Был в Боровичах и энтузиаст вообще музейного дела, С. Н. Портняков, происходивший из семьи мелкопоместных дворян здешнего уезда. Как бы то ни было, музей возник рано, постепенно рос и в конце концов стал едва ли не самым значительным среди тех музеев, которые возникли в бывших уездных городах Новгородской губернии. Кажется, он и до сих пор помешается все в том же деревянном двухэтажном доме на берегу р. Мсты, недалеко от моста.

В качестве своего филиала Боровичский музей организовал мемориальный музей А. В. Суворова в с. Кончанском. Кончанское — бывшая вотчина прославленного полководца, где он жил в годы своей временной опалы. Мне пришлось в году девятнадцатом во время одной командировки побывать в Кончанском, когда там еще существовал усадебный дом. Помнится, это был одноэтажный дом с мезонином, окрашенный зеленой краской. Сохранялся еще парк при доме. Флигеля, в котором размещен теперь музей, тогда я почему-то не приметил. Дом тот местные крестьяне сожгли, но флигель остался цел. Думается, А. В. Суворов в этом флигеле не жила, и напрасно сейчас выдают его за жилое помещение полководца. В музее «Суворовское—Кончанское» создана обстановка того времени, но все это привозное, и сам музей создан искусственно. То же самое следует сказать и о так называемой «Светелке Суворова» на Дубихе, рядом с Кончанским. Все сделано заново, и поэтому особенного впечатления не производит. Близко церковь с. Сопины, строенная на средства, предоставленные Суворовым.

Мемориальный музей Г. И. Успенского в д. Сябраницы

Музей этот существовал еще до революции. Собственно говоря, это был даже не музей, а просто дом, в котором жил последние годы популярный писатель с семьей. Таким он остался и в первые годы революции. Мне посчастливилось повидать этот уголок именно в эти годы.

На окраине д. Сябраницы, на выезде в направлении к Новгороду, стоял небольшой, уже далеко не новый двухэтажный дом. Стоял он в некотором отдалении от дороги, кругом были кусты сирени и акации. Было во всем этом что-то простое, деревенское.

В нижнем этаже дома размещалось нечто вроде мемориальной экспозиции, посвященной писателю: старая мебель, ветки от времени похорон Глеба Ивановича, его книги и др. В верхнем этаже были жилые помещения, там проживала в то время дочь писателя Вера Глебовна. После войны в Сябраницах все сделали заново, и веяние прошлого исчезло безвозвратно.

Музей в имени Грузино графа А. А. Аракчеева

Начало его трудно определить какими-либо точными датами. Была когда-то знаменитая вотчина графа А. А. Аракчеева. Со временем она распалась и осталась сама усадьба Грузино и на этой усадьбе бывший дворец Аракчеева и при нем обширный парк. К этому же ансамблю следовало присоединить и церковные постройки: собор и колокольню. Последние находились в ведении церковного прихода, дворец представлял собою офицерское собрание расположенного в Грузине Петровского пехотного полка.

Еще ранее, в 60-х годах прошлого века был вывезен из Грузина архив аракчеевской вотчины. Вероятно, это было сделано Н. Г. Богословским, который особенно интересовался историей аракчеевских поселений в бывшей Новгородской губернии. Архив этот находился в здании Новгородского музея, в Златоустовской башне кремля, в двух особых шкафах, вывезенных оттуда же, из Грузино. Шкафы были с глухими двухстворчатыми дверцами в каждом и резным двухглавым орлом наверху, тоже в каждом шкафу. Мною была составлена краткая опись этого архива, который вскоре после революции был передан в Москву. Оставались в целости в начале 20-х годов все предметы внутреннего убранства Грузинского собора. Что касается самого дворца, то там сохранились, теперь бы сказали, мемориальные комнаты в нижнем этаже, связанные с пребыванием в Грузине императора Александра I и устроенные еще при жизни графа Аракчеева. Там стояла мебель тех времен, часы, остановленные на дате смерти императора, его фуражка и верхняя рубашка вроде позднейшей гимнастерки военного образца. Она была помещена в особую раму за стеклом, а фуражка была укреплена на подставке, невысокой, но из чистого серебра. В таком виде все это оставалось в Грузине, и ведал здесь делами, вероятно, полковой комитет.

Началось все с расхищения именно указанных мемориальных комнат. Пользуясь ночным временем, неизвестные люди подъехали в санях к зданию дворца, проникли через окно в музейные комнаты и увезли серебряную подставку, на которой красовалась фуражка императора Александра Павловича. Виновные обнаружены не были. Вообще экспонаты этой комнаты тогда уже никого не интересовали, и вот в это самое время каким-то образом Грузино перешло в ведение музейных властей Ленинграда, и там образовалась отдельная музейная единица, к которой новгородский Губмузей не имел никакого отношения.

Музей в Грузине в новых условиях ширился и процветал. Его постоянно пополняли новыми экспонатами из музейных фондов Ленинграда. Общая установка музейной экспозиции — показ Грузина как центра аракчеевских поселений в пределах бывшей Новгородской губернии.

Война 1941—1945 гг. уничтожила Грузино целиком, в буквальном смысле не оставив здесь камня на камне. Даже удивительно, как это вместо населенного пункта с массивными богатыми каменными постройками и богатым парком остался совершенно голый берег, на котором теперь высятся постройки совхоза «Березеево». Даже имя «Грузино» исчезло, а надо бы его сохранить для исторической памяти.

В половине 30-х годов в Новгороде много работал по реставрации его памятников известный теоретик и искусствовед Михаил Константинович Каргер. Станным образом работы эти сопровождались хладнокровным и намеренным разрушением отдельных популярных памятников новгородской истории и искусства. Похоже, что М. К. Каргер проводил работы бесконтрольно и по своему усмотрению, руководствуясь во многих случаях ошибочными положениями и соображениями.

Для примера достаточно указать, каким злым гением оказался этот ученый реставратор в деле охраны памятников древнейшего новгородского Юрьева монастыря. Так, приступая к реставрации Георгиевского собора монастыря, он исходил почему-то из непонятого соображения и странной теории, что если этот памятник датируется XII веком, то в нем не должно быть ничего, что относится к другим временам. На этом основании он в первую очередь удалил из собора великолепный иконостас XVIII в.

Вот что писал в свое время об этом иконостасе известный знаток новгородских древностей архимандрит Макарий (Миролюбов): «Величественный, готической архитектуры, украшенный колоннами, капителями и кронштейнами и сплошь вызолоченный червонным золотом. Он состоит из пяти ярусов со старинною резьбою высокой работы. Высота иконостаса 10 сажен, ширина 7 сажен. Он был весь прямой, но при последнем возобновлении для большего пространства и для удобнейшего поставления местных икон царские врата с прилегающими к ним двумя иконами углублены в алтарь на полтора аршина.

Первый ярус — местные иконы.

Второй ярус — 14 квадратных икон — праздники.

Третий ярус — Деисус.

Четвертый ярус — Пророки.

Пятый ярус — праотцы.

Над пятым ярусом шесть круглых икон с изображением Страстей господних, а над этими иконами гора Голгофа и на ней Распятие с предстоящими. Иконы все греческого письма и большей частью древние» (*Макарий*. Описание Юрьева монастыря. С. 14—15).

Дальнейшая судьба иконостаса неизвестна. Иконы, разумеется, не были уничтожены, но тябла, возможно, не избежали этой участи по воле ученого варвара.

Тогда же была разобрана паперть собора, построенная в 1706 г. По упомянутому выше описанию Макария в этой паперти были следующие погребения.

Маркелл Радышевский — коадьютор Новгородского архиепископа, епископ Карельский и Ладожский. Ранее был настоятелем Юрьева монастыря. Скончался 29 ноября 1742 г., был погребен в паперти соборной церкви, по левую сторону западных церковных дверей.

Иоанний Микрицкий — епископ Олонецкий, бывший архимандрит Юрьева монастыря. Жил здесь на покое с 1782 г. Умер в 1785 г. и погребен в паперти Георгиевского собора. (Пенсия 500 р.).

Виктор Онисимов — епископ Олонецкий и затем Владимирский. Был ранее настоятелем Юрьева монастыря. (Пенсия 1000 р.). С 1800 г. на покое в Юрьеве. Скончался в 1817 г. и погребен в паперти Георгиевского собора.

Иоасаф Хомунцевский — епископ Корельский и Ладожский, ранее настоятель Юрьева монастыря. Скончался в 1759 г. и погребен в паперти соборной церкви на правой стороне.

ПОСТРОЙКИ В ЮРЬЕВЕ МОНАСТЫРЕ

В 1761 г. к западу от Георгиевского собора была построена каменная церковь во имя князей-братьев Александра и Федора Ярославичей. В 1823 г. церковь сгорела и на ее месте в 1824 г. был построен Спасский собор.

Колокольня, построенная по проекту архитектора Росси, была закончена в 1838 г. уже при архимандрите Мануиле (Соловьеве). Высота за 25 сажен.

Колокола были расположены во втором ярусе колокольни. Главные из них: «Неопалимая купина», вылит в монастыре в 1838 г., вес его 2100 пудов; второй — «Крес», 1140 пудов, вылит там же и в том же 1838 г. Руководил всей работой валдайский мастер Федор Иванович Бабахин. Другие два колокола: «Полиелейный», «Георгий» и вседневный «Гавриил», первый 532 пудов весом и второй 267 пудов, вылиты были в Москве. Всего во втором ярусе висело 15 колоколов. В третьем ярусе, где находились башенные часы, висело 17 часовых колоколов, и на каждом из них значились имена строителей и покровителей монастыря. Руководил работой этого яруса «часовой старец».

Злостная и нелепая выдумка

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, почитательница и «духовная дочь» Юрьевского архимандрита Фотия, в светских кругах не пользовалась благорасположением. Завидовали ее несметному богатству, злословили насчет ее благочестивости и богатых жертвований в пользу церкви и монастырей. Конечно, много разговоров было и по поводу ее решения поселиться в Новгороде, на мызе близ Юрьева монастыря. Но разговоры эти, по-видимому, вращались большею частью вокруг все той же богомольности графини, отличавшейся в действительности в значительной степени внешне-ханжеским характером, нежели настоящему внутренне высокой религиозной настроенностью. В сущности один только А. С. Пушкин, вообще весьма склонный ко всякого рода грязным намекам в своих блестящих по внешней форме эпиграммах, повторил, и неоднократно, светскую сплетню о якобы любовной связи Анны Алексеевны с архимандритом Фотием, что, между прочим, решительно отвергал А. И. Герцен.

Злостные беспочвенные измышления возникли и относительно последних часов жизни графини на земле. Особенно потрудились в этом отношении новгородские историки-борзописцы послереволюционных лет. Так, например, один из таких своеобразных «летописцев», А. И. Семенов в своей работе «Юрьево», изданной в 1959 г. под маркой Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника, поделился неизвестно откуда взятым им сообщением, будто А. А. Орлова, недовольная порядками в Юрьеве монастыре после смерти Фотия, решила покинуть свою мызу близ монастыря и переселиться в Петербург. Погрузив свои богатства на подводы, графиня готовилась к отъезду, но предварительно решила в последний раз помолиться у гроба Фотия и причаститься за обедней в монастыре. После причастия она села в

церкви на диван отдохнуть и умерла (с. 7—8). Особенно курьезны, даже по форме своей, эти последние строки.

И дальше Семенова, что называется, понесло. Он пишет, что премник Фотия в Юрьеве архимандрит Мануил сильно встревожился о том, что с отъездом графини монастырь может лишиться своих богатств и решил на крайнее средство, а именно, подложил в причастие яд, от которого Анна Алексеевна и умерла. Да, вот так, не более и не менее! Прежде всего нелепость самого факта: яд в причастии! Слово дело происходит не в русском провинциальном монастыре около половины XIX в., а где-либо в средневековой Италии при папском дворе или во владениях Медичи. И потом, говоря серьезно, где тут логика? Ведь смерть графини грозила Юрьеву монастырю тем же последствием, что и отъезд ее из него. Кстати сказать, все вклады графини Орловой, в чем бы они ни выражались, — в землях, постройках, драгоценностях и прочем — юридически были нерасторжимы от Юрьева монастыря, даже в случае ее отъезда из Новгорода. Все это было занесено в описи, скреплено актами, оформлено в духе и букве государственных законов того времени.

Но А. И. Семенов от версии отравления не отказывается и картинно рассказывает, что показало вскрытие гробницы А. А. Орловой, произведенное в 1934 г., «останки ее оказались в странном положении: одно плечо лежало выше другого, руки разбросаны, седые волосы растрепаны, черное шелковое платье на груди порвано в клочья. Не оставалось сомнения, что Орлова просыпалась в гробу. Видимо, Мануил дал ей в причастии крепкое снотворное, приняв его за яд» (с. 8). Весьма сомнительные подробности в этом странном сообщении, похожем на самый заурядный детектив последнего времени. Единственно достоверным здесь является то, что вскрытие гробниц Фотия и Анны Орловой действительно производилось, возможно, в 1934 г. Производилось оно секретным порядком, по инициативе и силами органов Государственного политического управления (ГПУ), результаты нигде не были опубликованы. Так как действие производилось на территории, официально находящейся в ведении музея, представителем по этому делу в созданную комиссию был приглашен тогдашний заведующий музеем, ныне покойный, Н. Г. Порфиридов. Обязанный строго хранить все виденное и слышанное там в тайне, Николай Григорьевич молчал, но как-то отрывочно и мельком все-таки обмолвился в случайном разговоре, что костяк А. А. Орловой находился в правильном и спокойном положении, не было видно никаких встрепанных седых волос и порванного в клочья на груди платья, т. е. налицо была картина обыкновенной смерти и погребения. Так рушится выдуманная от начала и до конца легенда. Собственно говоря, не было надобности ее и придумывать. Все проходило обыденно, естественно и просто. Графине Анне Алексеевне в 1848 г. исполнилось 63 года, возраст, вполне достаточный для того, чтобы открылась возможность для всякого рода недугов и заболеваний. Лечение же, хотя бы и графини, в провинции было по необходимости ограниченным. И случилось неизбежное, не понадобилось никакого яда, графиня умерла скорострительно от удара или от разрыва сердца, как тогда говорили, а теперь сказали бы, от инфаркта или инсульта.

ЕЩЕ О ЮРЬЕВЕ МОНАСТЫРЕ

Где-то в самом начале революции в Новгород нагрянула высокая правительственная комиссия, которая учинила изъятие ценностей Юрьева монастыря, которые были широко известны и которые считались из вкладов графини А. А. Орловой, в том числе ее фамильных бриллиантов на окладах икон. Никаких документов об этой операции в местной печати опубликовано, конечно, не было. Вскоре самый монастырь был закрыт, но еще ряд лет он существовал в качестве прихода, совершалось богослужение, звонили знаменитые Юрьевские колокола. В ризнице сохранялись еще богатые облачения, некоторые из них обращали на себя внимание изяществом работы и самим материалом, из которого они были изготовлены. Одно из них — четыре набора для служащих священников (иеромонахов) и одно для архимандрита — было сделано из плотного бархата с крупными цветами, зеленоватого цвета, оплечья фелоней украшали вышитые золотом изображения святых. Другое — в таком же количестве предметов — было из легкой шелковой ткани на тончайшей шелковой розовой подкладке. Оно могло предназначаться для праздничного богослужения в весенне-летний период, например, в Троицын день, тогда как первый набор мог быть употреблен для служения в праздник Спаса Нерукотворного, празднуемого в августе. Неизвестно, куда пошли эти драгоценные ткани, когда окончательно закрыли богослужение в храмах Юрьева. Вернее всего, они были ликвидированы каким-либо так называемым хозяйственным способом, попав в руки малокультурных, невежественных людей. Во всяком случае, в собрания музея они не поступили.

В ризнице Юрьева монастыря долгое время хранилась любопытная шкатулка: дубового дерева с серебряными наугольниками. Считается, что она принадлежала когда-то графине А. А. Орловой. В ней были всякие мелочи домашнего обихода и среди них неожиданные вещи, такие как кусок рясы константинопольского патриарха Григория, повешенного турками на воротах Фанаре, греческого квартала в Стамбуле, в первой половине XIX в. В качестве курьеза можно указать еще кусок мягкой кожи коричневого цвета с прикрепленной бумажкой и надписью на этой бумажке: «Чья-то кожа»...

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕВОЗВРАТИМЫЕ УТРАТЫ

Прошло ни много, ни мало, но совершенно точно полвека с того времени, когда я оставил работу в музее и переключился на занятия со школьниками. Непосредственно музейной работой я не занимался, но не переставал интересоваться всем, что касалось музея Новгорода и других городов нашей страны: читал отдельные заметки в журналах и газетах, следил за выходом в печать работ по музейному делу, по возможности приобретал такие книги в свое личное собрание. Так продолжается это и до сегодняшнего дня. И вот теперь, когда мои музейные годы уже далеко позади, я перебираю в памяти дела и дни моей работы в музее и нахожу, что многое я тогда не сделал, многое упустил, хотя возможности к тому были. К сожалению, все это уже безвозвратно прошло и вернуть упущенное уже никто не в силах. Но сейчас меня занимает вопрос, какова была тогда общая обстановка в стране и в

наших новгородских пределах; как в своей работе в музее я расценивал свои силы и возможности и сознавал свой долг в этой работе. Понимаю — все это поздние сожаления и говорить об этом как будто не стоило, но для меня важно осознать себя в той давней обстановке, а кроме того, и это понятно, возвращение памяти к 20-м—началу 30-х годов поможет лишний раз уточнить данные о памятных местах в самом Новгороде и вообще Новгородском крае, о тогдашних музеях и их делах — словом, обо всем, что составляет уже историю.